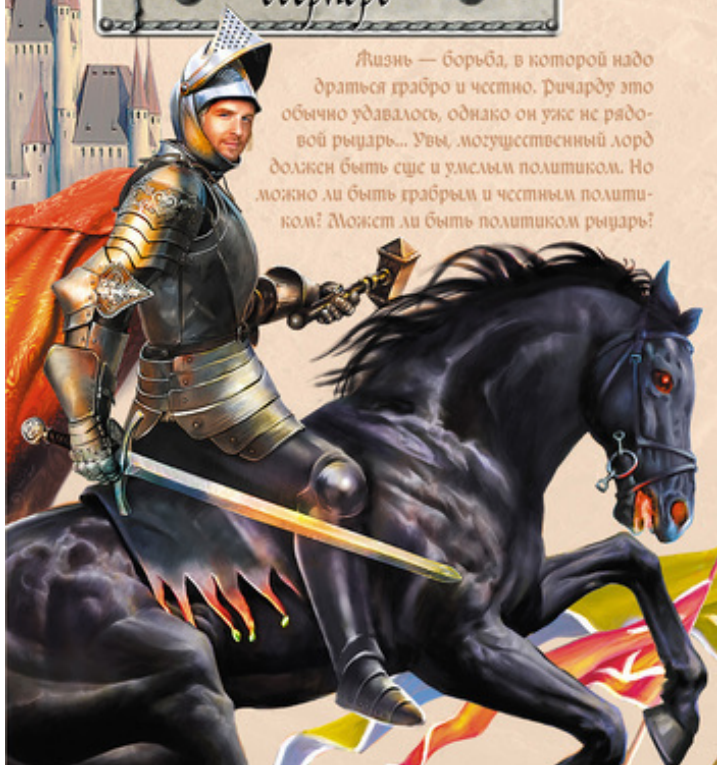

Гай Юлий Орловский

Ощ@ду

Длинные Руки —
оверлорд

Жизнь — борьба, в которой надо драться грабро и честно. Ричарду это обычно удавалось, однако он уже не рядовой рыцарь... Увы, могущественный лорд должен быть еще и умелым политиком. Но можно ли быть грабрым и честным политиком? Может ли быть политиком рыцарь?

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные
Руки – оверлорд
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 14

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158691
Ричард Длинные Руки – оверлорд: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-23506-3

Аннотация

Жизнь – борьба, в которой надо драться храбро и честно. Ричарду это обычно удавалось, однако он уже не рядовой рыцарь... Увы, могущественный лорд должен быть еще и умелым политиком. Но можно ли быть храбрым и честным политиком? Может ли быть политиком рыцарь?

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	41
Глава 4	56
Глава 5	67
Глава 6	81
Глава 7	95
Глава 8	112
Глава 9	129
Глава 10	142
Глава 11	155
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные

Руки – оверлорд

Посвящение

Ребятам с сайтов:

www.orlovsky.ru

www.knor.ru

<http://www.litforum.ru>

www.kubikus.ru

...где очень помогли с разбором полетов Tamplier, Arling, Skirlan, tryn, XAZAD, slimp, Dwarkin, Som, Martisha, OlegZK, Санна, Кубикус, Ustas, Iron Hummer, 2DjakOn...и др., сожалею, не могу быстро печатать ваши заковыристые имена.

Спасибо за выявление багов и проколов в предыдущих романах. С вашей помощью удалось сделать ярче ряд образов, прорисовать характеры, добавить некоторые приключения. Все это увидите в новых изданиях.

Надеюсь на вашу помощь и в будущем!

Спасибо!

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Длинные Руки —
оверлорд

Часть 1

Глава 1

Ударили первые морозы, небо пронзительно-синее, ни облачка. Даже знатные рыцари поговаривали, что надо бы снега, чтобы укрыл землю с посеянными в нее зернами. Местные знатоки сообщили, что здесь выпадает на День святого Фроста, это еще десять дней, считая от вчерашнего.

Я лихорадочно прикидывал насчет замка: оставлять без крепкой руки рискованно, но и дарить пока что некому. Слишком разношерстная команда. Да и, самое главное, все нужны под рукой, а не в далеком имении. Как, кстати сказать, пригодились бы верные Зигфрид, Гунтер, Турингем, Ульман...

Леди Беатриса сослалась на потрясения, попросила позволения отбыть в свой замок. От служанок узнал, что их хозяйка исхудала и почти не спит, тихонько плачет, но так, чтобы никто не слышал.

– Да, конечно, – сказал я самой преданной ее служанке, – да-да, как только изволит, пусть только скажет. Я подберу хорошую охрану.

Она присела в почтительном поклоне.

– Ваша милость, леди говорит, теперь разбойники не ско-

ро появятся в этих землях!

– Твоими бы устами, – сказал я, не закончил, но надеюсь, поняла так, как надо, а не как понимают остроловы, – но я не могу допустить, чтобы в дороге на нее хоть пушинка упала. Это будет урон моей рыцарской чести и моему гонору, поняла?

Она поклонилась, пряча взгляд и улыбку.

– Я так и передам, ваша милость.

Я проводил ее хмурым взглядом. Похоже, даже служанки уже знают и оживленно судачат о наших непростых и непонятных для простого народа отношениях. Для них дурь какая-то!.. Никто не мешает трахаться, тем более – оба тянемся друг другу с такой силой, что хоть к стенам приковывай. Но упираемся, сопротивляемся, находим какие-то дурацки-непонятные доводы, почему-то надо устоять, не поддаться естественным порывам...

А как это нормально для простолюдина – поддаться естественному! Да, простолюдин и живет всегда естественном, как животное, потому и всегда простолюдин. Простолюдин по сути всегда язычник, у него нет души и нет душевных терзаний, а все его огорчения разве что из-за того, что соседская коза пролезла через плетень и потравила огород.

Христианство привнесло в человеческую жизнь служение высоким идеалам, а ради этих идеалов не просто возможно, но даже человек как бы обязан жертвовать сиюминутными или, как говорят еще, мирскими утехами. Конечно, та-

кие люди были и при язычестве, но оставались исключением. Христианство отловило эти вспышки просветления и ввело в правило, в норму. Конечно, и сейчас низовые массы живут так, словно христианства и нет, разве что не приносят человеческие жертвы и не пляшут вокруг идолов. Но верх общества стремится возвысить души, и от этого стремления идут все эти обеты, что выглядят так смешно: не открывать левый глаз, пока не очистит Зачарованный Лес от нечисти, не снимать цепи с левой ноги, пока не сразится с воинством императора Карла и не привезет перья с трех шлемов, не знать близости с женщиной, пока не убьет дракона...

Правда, смешными эти обеты кажутся разве что мне, а я свинья еще та, так и тянет обоссать все, что вижу, к этому приучен всей жизнью демократа и общечеловека. Только здесь и среди этих людей невольно и спину держу прямее, и взгляд гордым и непреклонным, и за грязным своим языком стараюсь следить. Даже мысли иногда удается сдерживать, ибо сказано: не грехи даже в мыслях, но тут я пока слаб в коленках. Иногда за одно мгновение успеваю такое намыслить, точнее – нагрезить, что Тертуллиан бы прибил собственноручно за такие пошлости, скабрёзности, пакостность и вообще...

А может, пришла другая мысль, и не прибил бы. Тертуллиан сам из языческого Рима, там такие оргии были, мама не горюй, хлебнул того меда всласть и от пуза, пока не понял, что вообще-то не мед вовсе, а говно, если посмотреть с точ-

ки зрения существа более развитого.

Но чтобы это понять, надо стать этим существом. Я из мира интеллектуально развитых простолюдинов. От этого мне и хреново, что вроде бы умнее простого и простодушного дурака в железе и с цепью на ноге, но в то же время жопой чую, что он в другом плане неизмеримо выше.

И конфликт между мной и леди Беатрисой... нет, конфликт не между нами, а в самой ситуации, когда на уровне простолюдинов мы вполне можем совокупляться, трахаться, жариться, иметься, хариться и все такое, как кролики, олени, воробьи, мухи, жуки... но сложности начинаются на том уровне, где человек действительно отличается от спаривающихся бабочек.

Ранним утром во двор вкатила, подпрыгивая на замерзших кочках, повозка. Под огромными колесами сочно, словно переламываемые тонкие прутики, трещал лед в мелких лужицах. Сэр Альбрехт, спасибо ему, добыл лучшую, отобрал для нее самых надежных и выносливых коней.

Леди Беатриса выскользнула словно бы украдкой, торопливо. Мне показалось, что пригибает голову, даже горбится. За нею так же быстро, старательно прикрывая ее дородным телом, мелкими шажками спешила служанка.

Я стиснул челюсти, во рту такое, будто изжевал стог полыни и до ногтей пропитался горечью. Деревянными шагами вышел из-под арки, для леди Беатрисы уже поставили лесен-

ку из трех ступеней, колеса повозки для большей проходимости в полтора обычных диаметра, леди Беатриса опустила ногу на подножку, я кашлянул за ее спиной.

– Леди Беатриса...

Она обернулась, полная божественного испуга в широко распахнутых глазах. Лицо в жарком румянце, явно перед выходом долго стояла у открытого окна. Нежно пахнувшая, в дивной свежести своей дрящейся юности, но с печалью в глазах.

– Ох!.. Сэр Ричард, как вы меня напугали...

– Простите, леди Беатриса, – проговорил я с трудом. – Видит бог, я хотел, чтобы все было иначе.

Исхудавшая и бледная, она смотрела страдающими глазами. Служанка замерла, страхась пошевелить даже пальцем.

– Все будет, – прошептала леди Беатриса, – все будет иначе...

– Леди Беатриса, – проговорил я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, – скоро повалит снег, и вся жизнь замрет. И все успокоится до весны...

Она подняла голову, наши взгляды встретились. Не лги, ответили ее глаза. Не успокоится. Я понимаю, говоришь о том, что все люди, которые привыкли в руках держать оружие, повесят мечи на стену и будут пьянствовать до весны, а потом до лета, пока не подсохнет земля на дорогах. И что я не должна волноваться: ты будешь точно цел... И что меня никто не посмеет обидеть. Но на самом деле что тебе и мне

этот покой в Армландии, если в наших душах те же бури, что и бушевали?

Я склонился к ее руке, мои губы коснулись нежной кожи, и сладкая боль пронзила все тело. Ну почему не бросить все, не поехать с ней, не зажить в покое и довольстве, в счастливой любви, как поступил бы любой нормальный мужчина?

Ее пальцы затрепетали, я длил мгновение, прижимаясь губами. Она с огромным трудом, преодолевая себя в каждый миг, медленно убрала руку. Я чувствовал, чего это ей стоило, и устыдился своей слабости. Маленькая женщина отчаянно сражается за свое «я», а я, мужчина, поддался простейшим чувствам, которые, поднявшись на ступеньку одухотворенности и возвышенности, называются уже не так, как назывались, а уже любовью.

Я отступил на шаг, снова поклонился, учтиво и деревянно, ломая себя для каждого движения. Леди Беатриса отвернулась, я смотрел, как поднимается без прежней легкости, каждая ступенька дается с великим трудом, хрупкая женщина борется со своим инстинктом, требующим спрятаться за широкой мужской спиной или юркнуть к нему в нагрудный карман и устроиться там в уюте, подогнув лапки и сладко посапывая, чтобы выглядывать лишь время от времени в ожидании, когда супруг и повелитель почешет пальцем спинку.

Наши взгляды встретились в последний раз, когда она уже села и протянула руку, чтобы закрыть дверцу. Миг длился вечность, мы оба понимаем, ради чего приносим в жертву

любовь, обоих это наполняет гордостью и... горькой печалью потери.

Рыцари стоят в молчании, никто не шевельнется. Всяк понимает, что поступать так, как поступаю я, – удел паладинов, но не простых рыцарей. Даже понять паладина бывает трудно, а уж принять сердцем – нормальному мужчине практически невозможно. Только в песне можно упомянуть то или иное деяние паладина, но для песни человек и сам подтягивается, настраивается на Высокое, тогда лишь поступок паладина становится понятен и даже близок.

Но песня заканчивается, и чудесное обрывается. Все понимают, что Высокое – это Высокое, а жизнь – это вот то, что происходит с нами ежедневно. Только паладины могут в Высоком всю жизнь или хотя бы долго, а простой рыцарь если даже раз в жизни испытает этот миг высокости – то все его дальнейшее существование озарено этим мигот чистоты и святости.

Повозка проехала под острыми зубьями железной решетки, за нею скрылся из виду и десяток воинов арьергарда. Я тяжело вздохнул, вот и еще одна потеря, повернулся к своим молчаливым рыцарям. Одни отводят взоры, другие преданно смотрят в глаза. На их лицах читается, что пойдут за мной куда скажу, или даже по моему слову, куда бы я ни велел.

– Спасибо, – выдохнул я. – Спасибо... за понимание. А теперь займемся обустройством. Нам здесь зимовать... надо подготовиться.

– Вопреки видимости, – проговорил барон Альбрехт негромко, – именно зима – пора надежды. Мужайтесь, сэр Ричард!

– Зима – лучшая пора, – безапелляционно заявил сэр Растер. – Только зимою, сидя у печки, сочиняются лучшие майские песни.

– Спасибо, – повторил я. – Если что, я у себя.

Поднимаясь по лестнице, я чувствовал на спине сочувствующие, хоть и малость недопонимающие взгляды.

Вслед отъехавшей леди Беатрисе ударили морозы. Барон Альбрехт посмотрел на мое лицо и поспешно заверил, что лично распорядился насчет того, чтобы снабдить ее теплыми одеждами. Он здешнюю погоду знает, снега не будет еще девять дней.

– А сколько до Скворре? – спросил я.

– Земля подмерзла, – напомнил он, – а это значит, повозка сама побежит!

– За десять дней будет там?

– За неделю, – уточнил он. – Если колесо сломается, то с ней какой эскорт, вспомните! А пару колес, кстати, я сам положил в запас. Новеньких!

– Спасибо, барон.

– Это и в моих интересах, – напомнил он, хмурясь, словно моя благодарность неуместна.

В самом деле, мелькнула виноватая мысль, благодарю, как

чужого. А он уже свой, даже зимовать остался, хотя у него есть свое прекрасное имение, свой замок и свои земли. И явно получше обустроенные, чем это убожество.

– Вы все замечаете, – сказал я, – как вам только и удастся?
А я все еще растяпа.

Он сдержанно улыбнулся.

– Вы – стратег. А я тактик.

– Мне повезло с вами, – сказал я искренне.

Он отмахнулся, сказал деловито:

– В Скворре леди Беатриса будет в полнейшей безопасности. Зимой из-за снегов ни один лорд не выведет войска за ворота. Я еще не знаю случая, чтобы после первого снега велись какие-то военные действия.

В тот же день я разрешил воинственному сэру Растеру собрать практически всех свободных рыцарей и воинов в единый отряд. Уже почти все вассалы барона Эстергазэ прислали гонцов с заверением, что ничего не имеют против смены сюзерена, только один могущественный и удаленный сеньор отказался принести оммаж.

Сэр Растер клятвенно заверял, что успеет сбить ему рога до снега, я сомневался, но отпустил. Пусть тешат дурь на просторе, чем от избытка силы и по пьяни начнут разносить замок.

Промерзшая земля еще гремела под ударами копыт тяжелых рыцарских коней, как с другой стороны показался отряд в десяток тяжеловооруженных всадников. Доспехи блестят,

рыцари в дорогих одеждах, на кончиках поднятых остриями к небу копий реют красные флажки, а кони укрыты цветными попонами.

Их пропустили по мосту и через ворота, а когда я слез со стены и вошел в донжон, все прибывшие были уже там. Восьмеро рыцарей стоят плотной группкой и чуть ли не в воинском строю, посматривают с угрюмой настороженностью. Впереди в полных воинских доспехах отменной выделки двое рослых мужчин в шлемах с поднятыми забралами.

Я пошел медленным шагом всевластного лорда, приходится себе напоминать, что я он и есть, остановился перед прибывшими, глядя на них с державностью гроссграфа.

Барон Альбрехт сказал громко:

– Сэр Ричард, к вам граф Колдуин и барон Спеос.

Имена знакомые, я порылся в памяти, зловеще ухмыльнулся.

– Как же, как же! Знаю, слышал. И что они хотят?

Рыцари смотрят молча, лица каменные. Альбрехт ответил с подъемом, чтобы слышали и в самых дальних углах зала и даже на кухне:

– Это благородные рыцари, хозяева своих земель и угодий, у каждого под рукой есть баннерные рыцари и множество безщитовых... они хотят принести вам клятву верности, сэр Ричард!

Последние слова он почти выкрикнул, а мои рыцари одобрительно зашумели. Когда стая увеличивается, это всегда хо-

рошо.

Я оглядел обоих, смотрят выжидающе, проронил задумчиво:

– Когда я был распят в пыточном застенке барона Эстергазэ... некие вассалы Эстергазэ настойчиво требовали, чтобы меня смерти предали немедленно...

В зале стало тихо, только сэр Митчел недовольно хрюкнул и сдвинул брови с такой мощью, что послышался грохот. Барон Альбрехт посмотрел на меня, на ожидающих моего решения рыцарей.

– Сэр Ричард, поясните...

– Охотно, – сказал я. – Они говорили, что отпускать меня опасно. Никакой выкуп того не стоит, чтобы оставлять такого противника в живых.

В мертвом молчании один из рыцарей отвесил короткий поклон.

– Это мои слова, – сказал он грубым голосом. – Слово в слово.

– И мои, – добавил второй мужественным голосом. – Я поддержал графа Колдуина во всем.

Я кивнул.

– Ваша стойкость и правдивость говорят в вашу пользу.

– Спасибо, сэр Ричард.

Я повернулся к графу Колдуину:

– Что-нибудь можете добавить?

Тот покачал головой.

– Нет, я был прав. Вы в самом деле сумели освободиться и даже захватить замок. Так что я советовал все правильно.

– Не только советовали, – возразил я задумчиво, – вы настаивали! Сэр Эстергазэ с вами особенно не спорил, он сказал, что если вы готовы внести требуемую сумму, то можете убить пленника прямо в подвале. Вы тогда вроде бы начали торговаться и просили снизить выкуп...

Граф Колдуин кивнул с достоинством.

– Верно. Я ведь не для себя, а о благе своего господина пекся!.. Но он, увы, так и не послушал.

В зале наступило мертвое молчание. Никто не двигается, даже пламя свечей не колыхнется, все как стоп-кадр. Я выждал еще чуть, гроссграф должен быть неспешным в решениях и даже в словах, сказал с рассчитанной медлительностью:

– Я вижу, вы рыцари старой школы. Слава и честь сюзерена, которому служите, для вас не пустой звук. Потому... на колени!

Граф Колдуин опустился неспешно и с достоинством, а барон Спеос с некоторой поспешностью, словно не был уверен в исходе. Я вытащил меч из ножен, все жадно следят за каждым моим движением, и ударил каждого по плечу лезвием плашмя.

– Принимаю вашу присягу, граф Колдуин... и вашу, барон Спеос. Надеюсь, будете так же верно служить и новому сюзерену, который доказал свою силу. Встаньте!

Поднимаясь, граф Колдуин проговорил тем же густым сильным голосом:

– Мы за сильную власть, сэра Ричарда. И мы не оставили бы своего господина даже в изгнании... Но он погиб, а вы тот человек, который сумеет прекратить в этих землях как грабежи лесных разбойников, их расплодилось видимо-невидимо, так и бесчинства местных лордов. Располагайте нами!

Я проговорил царственно:

– Набирайтесь сил до весны. У меня обширные планы. Армландия будет мирной и счастливой!.. А кровь проливать будет позволено только на турнирах и в боях с иноземцами, а не в драках с соседями.

Они поклонились и, чувствуя, что аудиенция на этом закончена, отступили. К ним подошли рыцари их отрядов, что, увы, не мои вассалы, но вообще-то это уже неважно, если их сюзерены принесли мне присягу. В их среду вломился сэра Митчел, взревел как огромный медведь, и заявил убежденно, что такое событие нужно отметить, крепко отметить, а покойный барон Эстергазэ все-таки сделал одно прекрасное и великое дело: создал запасы отменного вина.

Я подождал, пока они шумной толпой выплеснутся наружу, со мной остались сэра Макс и сэра Альбрехт, оба смотрят им вслед, но я не увидел, чтобы кто-то из них очень уж хотел присоединиться к пиршеству. Я тоже проводил их взглядом, а когда захлопнулась дверь, спросил в пространство:

– Ну как?

– Замечательно, – ответил сэр Макс с энтузиазмом.

Вообще-то он Максимилиан фон Брандесгерт, отпрыск древнего рода, эта древность выражена в на редкость узком удлинённом лице с крупными синими глазами, ещё у него ресницы, как у девушки, и красивые полные губы, а также настолько заостренные уши, что иногда сомневаюсь, человек это или эльф. Как большинство молодых рыцарей, он свято верит в высокие идеалы красоты и духовности, в бою всегда думает о чести и славе, пренебрегая добычей, за что, понятно, его любят и сверстники, и старые рыцари.

Я уже сделал его баннерным рыцарем, у которого под началом десяток безщитовых, и думаю, при его молодости это только начало карьеры.

Барон Альбрехт ответил с запозданием, взгляд его все еще оставался на закрывшихся дверях:

– Хорошо... хоть и неожиданно. Это самые сильные вассалы барона Эстергазэ.

– Знаю.

Он посмотрел на меня искоса.

– А откуда известно, что настаивали на вашей смерти?

– Секрет, – ответил я. – Иногда из стен высовываются во-о-от такие уши!

Сэр Макс посмотрел на стену с опаской, а сэр Альбрехт на всякий случай ощупал пару грубо отесанных камней. Я видел, как помрачнело его лицо, а на лбу проступили глубокие морщины.

– Итак, – произнес он задумчиво, – эти двое присягу принесли... А как быть с теми лордами, что вообще ни за, ни против, а живут тихо и мирно, занимаясь овцеводством, торговлей, выделкой и продажей кож?

Я ответил глубокомысленно:

– Как истинный демократ, я верю в рыночные отношения и в здоровую экономику. Потому с окрестными лордами договоримся на понятной и правильной основе, как заключали договор волки с овцами, благодаря чему выжили те и другие: мы не будем есть их траву, а за это они будут добровольно поставлять нам свое мясо. А также кожу, вино, доски, будут копать для нас железо, медь... и платить налоги. С последними я обещаю послабления весьма значительные.

Сэр Макс подпрыгнул, глаза блеснули, как звезды.

– А что, – спросил он, понизив голос, – удалось найти сокровища Эстергазэ?

Я подумал, что проще согласиться, чем раскрывать тайну своего амулета, ответил, тоже понизив голос:

– Представьте себе, эта сволочь столько нахапала... Даже не представляю, где он набрал столько золота высшей пробы!

Он вздохнул завистливо:

– Да, некоторым везет.

Альбрехт сказал трезво:

– Дорогой сэр Макс, это не везение.

– А что?

– Барон Эстергазэ не спал, не ел, а только думал, где

урвать еще. Такое впечатление, что его там на Юге здорово обидели. Знаете, так бывает, когда стараешься доказать гадам, как неправы они были... А вы, любезный сэр Макс, по большей части пьете да по бабам! Так что если и разбогатеете, то у вас это будет как раз везение. А у барона – успех.

– Закономерный, – добавил я. – Ну, вы поняли, на что я намекиваю. Работать надо, ребята.

Сэр Макс вытянулся, с готовностью откозырял.

– Я вспомнил, у меня есть неотложная работа.

– Идите, сэр Макс, – сказал я милостиво. – Сэр Альбрехт пошутил насчет пьянства. Мы все видим, что вы, как рыцарь в походе, и капли в рот не берете!

Макс покраснел, как молоденькая девушка, сказал польщенно:

– Спасибо, сэр Ричард!

Сэр Альбрехт вздохнул.

– И у меня дела... Кто сказал, что зимой делать нечего?..

И все-таки он задержался в дверях и посмотрел на меня с немым вопросом. Мол, мы ж нахапали, теперь всю зиму жрать и пить в три горла, а если нет, то... что-то замышляется?

Я сделал каменное лицо, он вздохнул и вышел.

Глава 2

Зима наступила, если считать по морозам, задул колючий ветер, но земля остается черной, застывшей в тех рытвинах и колдобинах, в каких застал ночной холод. Небо приблизилось к земле, серое, угрюмое и безрадостное, теперь нависает прямо над головами, словно каменный свод тесной пещеры.

Воины, что сопровождали леди Беатрису, вернулись и доложили, что все в порядке, госпожа уже в Скворре, там ликование, а они даже не остались ночевать, сразу обратно.

– Зря коней загоняли, – сказал я тускло, – все равно теперь до весны без дела...

Старший заметил почтительно:

– Мы спешили доложить, что леди Беатриса уже дома.

– Спасибо. Отдыхайте...

Сам я бродил по замку, впервые чувствуя полнейшую растерянность от того, что ничего делать вроде бы и не надо. Зима – это спячка, терпеливое ожидание весны, когда все проснется, оживет и зачирикает. Зимой я должен собраться и, как говорил князь Горчаков, сосредоточиться.

Но... на чем? Хотя это моя вторая зима здесь, в этом мире, но тогда я был простым потребителем, от меня ничего не зависело, зато я мог драть глотку и возмущаться, что это не так, то паршиво, и вообще все хреново, куда только власти смотрят? Но сейчас власть – я. И от меня зависит, как

переживут суровую зиму мои рыцари и вообще подпавшие под мою власть земли с населяющими их крестьянами, ремесленниками, купцами и церквями.

Крестьяне всю зиму, как понимаю, неспешно чинят хомуты, седла, уздечки и прочую сбрую, ремонтируют телеги, колеса. В кузнице звенит железо, а сквозь щели блистает багровый огонь: там готовят на весну плуги и бороны. В домах женщины прядут, шьют и вяжут, мужчины сучат дратву. А что делать мне?

Даже замок барона Эстергазэ не такой, как те, старой работы, в которых я побывал. В этом нет того, без чего невозможно представить себе нормальные замки, а также любые древние дома, болота, кладбища, руины – привидений. Или хотя бы призраков. Простой народ панически страшится призраков, хотя, как мне кажется, большей частью напрасно. В основном призраки безобидны, разве что иногда докучают стенами, жалобами или звоном призрачных цепей. Но пообщаться с ними бывает очень полезно, знаю по себе.

Дни потянулись тупые и серые, я смутно понимал, что надо заняться чем-то активным хотя бы для того, чтобы выдать из груди тянущее чувство потери. И хотя мы оба с леди Беатрисой понимаем, что поступили правильно, что есть ценности выше, чем любовь, но обоим очень хреново от такой жертвы.

Однажды, когда лежал, как колода, в покоях на роскошном ложе, а рядом на полу тихо сопел Бобик, снизу раздалась

крики, топот множества ног, лязг железа. Моя рука уже привычно потянулась к рукояти меча, но понял, что вопли ликующие. Торопливо вскочил за момент до того, как распахнулись двери и вошла гроыхающая железом почти квадратная глыба, вся из металла от гребня на шлеме размером с пивной котел и до сапог из стальных колец и золотых шпор.

– Сэр Ричард! – гроыхнул мощный голос, под сводами заметалось испуганное эхо. – Все сделано!

Я машинально кивнул, рыцарь обеими руками снял громадный шлем, обнажив вырубленную из серого гранита квадратную голову, где между массивными надбровьями и мощными скулами узкие щели для глаз, а тяжелый массивный подбородок начинается как будто сразу от этих щелей, хотя вроде бы и нос на месте, и гранитные губы тоже намечены именно там, где должны быть.

Он шагнул ко мне с привычной легкостью, хотя железа на нем больше, чем на троих рыцарях. Я обнял гиганта, чувствуя, что рук не хватает: сэр Растер невероятно широк, плечи разнесены далеко в стороны, да и тонкость талии ему ни к чему.

– Сэр Ричард, – проревел он радостно, – как вы и сказали, барон Гауэр не ожидал нашего стремительно броска! И хотя мы едва волочили ноги, но когда увидели, что мост опущен, а ворота настезь... Как не воспользоваться такой дурью? Словом, замок захвачен, противник частично истреблен, частично брошен в тюремные подвалы. Женщины изна-

силованы по священному праву войны, винные склады разграблены... словом, противник перестал им быть.

– Хорошо, – ответил я с чувством глубокого удовлетворения. – Значит, еще один несогласный станет нашим счастливым верноподданным. Вы хорошо поработали, сэр Растер! Отдыхайте.

Он отмахнулся.

– Сэр Ричард, какой отдых? Вы не представляете, как способствует здоровому отдыху победа! Мы думали, что после захвата замка неделю будем отсыпаться...

– И что?

– Да всю неделю грабили, насиловали, вершили справедливый суд и тут же вешали, снова насиловали, чтобы приучить их к новому статусу... а сна и усталости ни в одном глазу! Не зря говорят, что у победителей даже раны заживают куда быстрее, чем у побежденных.

Я вздохнул.

– Боюсь, это наша последняя кампания. Земля подмерзает, что хорошо, но повалит снег, и завоевания прервутся до весны. Даже – до лета.

Он кивнул, ничуть не обескураженный.

– Как раз хватит посидеть за столом! Сколько той зимы?

Я еще раз его обнял, поблагодарил за ратный труд, и сэр Растер, довольно расхохотавшись, отбыл вниз рассказывать о подвигах и сидеть за столом, ибо в самом деле зима промелькнет – не успеешь бровью повести.

Я в своих покоях стоял у окна и тупо смотрел вниз во двор. Барон Альбрехт вошел в расшитом золотом камзоле из темно-красного бархата, зеленые штаны по последней моде, высокие сапоги из прекрасно выделанной кожи, длинные ухоженные волосы красиво падают на плечи. Серые глаза смотрят холодно и строго, настоящий аристократ. Даже когда я однажды увидел его выползающим из болота, всего облепленного зелеными листьями и в изорванной одежде, я видел именно барона, вылезавшего из болота, облепленного зелеными листьями и в изорванной одежде, а не грязного измученного мужика. Не знаю, врожденное ли это или же можно как-то воспитать, но факт остается фактом, он – Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля, а я вот, увы...

Я встретил его дежурной улыбкой, рука сама совершила в воздухе красивый полукруг.

– Надеюсь, барон, вы находите замок этого Эстергазэ достаточно... гм... уютным. Во всяком случае, я рад, что вы решились проторчать зиму здесь со мной.

Барон Альбрехт отвесил церемонный поклон.

– Боюсь, от этого не уйти. Снег выпадет скоро. Да и настоящие снегопады обещают тоже.

– Ого, еще и настоящие... А когда они?

– Через пару недель, – сообщил он.

– Ну, это еще нескоро.

Он сдержанно улыбнулся.

– Похоже, сэра Ричарда, в вашем королевстве иные расстояния. Или кони более... быстрые.

– Не успели бы?

– Застигнут на полдороге домой.

– Ай-яй-яй, – сказал я лицемерно.

Он взглянул мне в глаза.

– Сэр Ричард, могу ли осведомиться о ваших планах?

Я ответил с тоской:

– Планах? Дайте отдышаться. Нужно осмотреть замок, нет ли неприятных сюрпризов. Обустроить войско... Вы же сказали насчет погоды! Когда повалит снег, всех запрет...

Он слушал с почтительным вниманием, все-таки я – граф, хоть пока непризнанный, непредсказуемый и удачливый, с которым можно захватить богатую добычу, но можно и сложить голову, потому надо знать, когда вовремя отпрыгнуть в сторону.

– Но на весну какие планы?

– Никаких, – честно ответил я. – Можете себе такое представить?

Он пожал плечами.

– Легко. Все рыцари, что пируют в нижнем зале, не планируют даже завтрашнее утро.

– Ну вот и я... вроде того.

Он коротко усмехнулся:

– Вы, сэра Ричард?

– Да, я тоже такой.

Он покачал головой.

– Вы таким не сможете оставаться даже до вечера.

– Потому что дурак, – ответил я с досадой. – Повезло вам с таким сюзереном! Ладно, пойду похожу по замку. Вон, сэра Растера уже все винные подвалы знает, а я все клювом щелкаю. А вы, барон, прикидывайте, чем займемся сразу же, как растает снег. А то, как говорит сэра Растер, сколько той зимы?

Барон Альбрехт поклонился и отбыл, а я походил в раздражении по комнате, не зная чем заняться, оделся потеплее и вышел из донжона, вспомнив, что на заднем дворе какая-то странная ерунда торчит из стены. Там сохранились остатки руин старых построек, вернее, уцелел фундамент. На нем возвели новые стены, но один фрагмент допотопья сохранился: невысокая каменная колонна, дорическая или ионическая, не скажу точно, но не барокко, это уж наверняка.

Современную кладку начали вести от нее в обе стороны, так что она теперь в стене, почти незаметна, однако по ночам над этой колонной светится шар размером с кулак. Свет от него оранжевый, солнечного спектра, мягкий и успокаивающий.

Я все дни присматривался, ждал какой-то реакции, но мимо проходят люди, никто и глазом не поведет. На этот раз я остановил одного из пробегающих слуг.

– Что это за чудо?

Он в недоумении посмотрел по сторонам.

– Где, ваша милость?... А, это... Дык это не чудо...

– А что?

Он в затруднении пожал плечами.

– Да просто светится что-то. Камень такой, наверное.

– А давно это?

Он подумал, снова пожал плечами.

– А никто и не вспомнит. Сколько здесь люди живут, столько и горит...

Я потрогал каменную кладку, примитивная, толстая, из грубо отесанных глыб. Камень наверху – тоже камень, но светится мощно, как лампа в пятьсот-семьсот киловатт. Вряд ли это уцелело с довоенных времен, тогда были стерты с лица земли целые крепости, явно какой-то колдун пробовал силы в акте творения.

Или, мелькнула мысль, не колдун, а простак, отыскавший некий артефакт под грудой камней. Как у него получилось, и сам не знает. А сам наверняка сбежал и остаток жизни дрожал, как бы не дознались, что его рук дело, и не поволокли на костер.

– Гм, значит, не чудо...

– Не чудо, – подтвердил слуга уверенно. – Чудо – это когда чудо, а когда не чудо, то какое чудо? Это совсем не чудо, если не чудо. Светит и светит... И в погоду и в непогоду, в горе и в радость. Дедам нашим светило и сейчас светит... Какое же это чудо?

Я задрал голову, шар распространяет чистый умиротво-

ряющий свет, сильный, но не режущий глаза. Челядин прав, сперва ужасались, обходили стороной, крестились и молились, но так как не исчезает, а светит и светит, то все привыкли. Человек ко всему привыкает. Чудо – это когда внезапно. А чудо постоянное – уже не чудо, переходит в разряд привычных явлений. Для первых европейцев чудом были крокодилы, бегемоты, жирафы, а потом – как с этим светящимся камнем...

Через двор быстро прошел, почти пробежал вдоль стены, словно чучундр, человек в темной бесформенной одежде. Я вздохнул. В чем-то недоработка, но пока не соображу, где я что не так.

Миртус поглядывает настороженно, на глаза старается не попадаться. Одно дело, когда я был распят на стене пыточного подвала, другое – сейчас в кресле лорда замка и вообще грессграфа. Тогда мог пообещать все, что угодно, это понятно.

– Миртус, – позвал я. – Эй, Миртус!

Он остановился, мне показалось, что обреченно вздохнул, но подошел быстро и низко поклонился.

– Да, ваша светлость!

– Миртус, – сказал я жизнерадостно и как можно более дружелюбно, – ты как щас? Работаешь или после побед над супостатом и узурпатором пошел по бабам?

Он снова низко поклонился.

– Ваша светлость, очень усердно работаю. Готов выпол-

нить любые приказания.

– Насчет любых не надо, – предостерег я. – А то послушаю и велю младенцев резать. Ну, это я так, заостряю. Для доступности. Я сам, кстати сказать, узурпатор. Ну, если взять как отдельного лорда этого замка! С другой стороны, я – граф, а это выше, не так ли? Могу отобрать чьи-то владения и пожаловать более достойному. Вот я отобрал и передал более достойному. Себе, естественно.

Он бледно усмехнулся:

– Все в вашей воле, ваша светлость.

Я сказал уже серьезнее:

– Миртус, я не забываю, что ты для меня сделал. Но даже если бы ты пришел в замок вот только сейчас, я бы отнесся к тебе точно так же... дружелюбно. Ты человек науки, а это архиважное дело, как говаривал один крупный государственный деятель. Хотя, конечно, никто пока так не думает. В смысле, насчет науки. Тем более что она и не наука вовсе, а причудливая смесь алхимии, астрологии, богословия... и еще какой-нибудь хрени.

Он слушал с той же настороженностью, на лице то вспыхивает надежда, то гаснет, когда переставал следить за причудами моей мысли, а если не понимаешь – подозреваешь самое худшее.

– Я чуть разгребусь с делами, – пообещал я, – займемся и наукой. Нет, ты занимайся сразу, это мне сперва надо наладить экономику, рост вэвэпэ... знать бы, что это, а еще укрепить

пить обороноспособность единой и неделимой Армландии. Разумеется, суверенность... что, однако, находится в особых отношениях с Фоссано, ну вроде союзного государства, хотя что это, так никто и не понял... Словом, работай. Помощь будет. Если что, обращайся. В данном случае я не лорд, а тоже... этот, как его, ученый.

Он смотрел недоверчиво, но кланялся, а когда ушел, у меня осталось тягостное ощущение неискренности с обеих сторон. Я говорил слишком бодрым голосом эдакого доброго барина, а он посматривает опасливо, и в его глазах читалось: минуи нас больше всех печалей и барский гнев, и барская любовь.

– Ладно, – пробурчал я, – будет время, восстановим и доверие... Может быть. Иначе какой из меня отец народа?

Вечером замок выглядит странновато: всюду горят свечи, дубовый пол чисто вымыт даже в коридорах, каминны жарко натоплены, вымытый с душистыми травами пол сохнет быстро, а воздух непривычно мягкий и влажный. Я, наконец, заметил, что горят только свечи, кивнул Максу на мертвые светильники.

– Вроде бы с ними проще и дешевле? Или из меня экономист, как из...

Макс посмотрел на меня с великим удивлением:

– Так ведь сегодня день Вудлонга!

– А-а-а, – сказал я, – вот оно что! Ну, тогда все ясно... А

что это за день?

Макс даже отступил на шаг. Мне показалось, что он удержался, чтобы не перекреститься, все-таки за сюзереном нужно идти, куда бы ни вел, даже в ад, а также разделять его взгляды и отношение к Господу.

– Это же святой, что покровительствует Армландии! Он прожил долгую жизнь, сражаясь с варварами на востоке, с орками в Зачарованном Лесу, в Синем Болоте с ящерами, в пустынях с гигантскими червями, а еще совершил много подвигов, побивая огров, троллей, банши, смертов, агрей и гунгелингов, очищая мир от драконов и великанов!

– Он святой? – усомнился я.

– Святой, – подтвердил Макс с готовностью. – На смертном одре признал учение Христа, покаялся в грехах и открыл сердце Господу. Последний вздох и душу его принял сам архангел Михаил, что вообще-то редко отлучается с небес...

– Да, он домосед, – подтвердил я.

Макс посмотрел на меня с уважением, как на знатока небесных распорядков.

– За эти деяния церковь признала сэра Вудлонга святым.

Я поинтересовался:

– И как он?

– Что именно, сэр Ричард?

– Что делает теперь? Будучи святым?

Он поморщил лоб, развел руками.

– Он святой. Разве святые что-то делают?.. Ну, может быть, ходит по дорогам в одеждах нищего и тайком помогает страждущим...

– Сэр Вудлонг? – спросил я с сомнением.

Он подумал, развел руками.

– Вы правы, сэр Ричард, – признался он. – Честно говоря, не могу сэра Вудлонга представить этим, ну, помогающим страждущим! Раньше он так помогал, что все зубы оставались на полу. А где проходил во славу церкви с мечом в руке, там даже трава лет десять страшилась высовываться на свет божий.

– Герой делает то, что можно сделать, – изрек я. – Другие этого не делают. И тем самым избегают длинных рук международного трибунала... Продолжайте веселиться, сэр Макс! Любой праздник – благородный повод для обжорства.

– И для пьянства, – ответил Макс серьезно, с юмором у него туговато. – Не так часто все собираются за одним столом.

– Ну да, – согласился я. – Сколько той зимы?

Он откозырял и ушел по направлению к главному залу. Я после коротких колебаний спустился в подвал, в ноздри ударил едкий запах химикалий. Я уловил аромат лесных трав, а когда открыл двери в лабораторию, там жарко, в трех тиглях накаляются крючки и щипцы, будто здесь мини-пыточная, а в большой колбе по кругу с большой скоростью вращается зеленая жидкость.

Я с изумлением увидел стебли дивных цветов, похожих на тюльпаны, но крупнее, золотистого солнечного цвета. Торчат из узкого горлышка простого глиняного кувшина, мои ноздри жадно затрепетали от чудесного аромата.

Миртус вылез из-под стола, где собирал разлетевшиеся высушенные стебельки трав, торопливо поклонился.

– Ваша милость, что прикажете?

– Здорово, – сказал я пораженно, – на дворе зима, а у тебя... цветы!

– Простите, ваша милость, – сказал он торопливо.

– За что?

– За это излишество.

– Цветы – это красиво, – изрек я. – Красиво и благородно, а значит – никакого не излишество. Или купил из государственных средств? В смысле, истратил на них всю магию, что копил год?

Он испуганно замотал головой.

– Что вы, ваша милость! Это так, пустячок... В смысле по затрате магии. Но с ними работается лучше.

– Одобряю, – сказал я важно. – Допинг тоже должен быть красивым. Ну там цветы, вино, бабы... Хотя нет, это все антидопинг. Лучше уж просто цветы, но без мыслей, о том, кому дарить.

– Это никому, – заверил он. – Только для работы!.. Присядете, ваша милость?

– Успею, – ответил я барственно. – Это у тебя что? Ах да,

из свинца золото делаешь... Да знаю-знаю, пока не получается, чуть-чуть осталось... Только этого «чуть-чуть» хватит еще на тысячу лет, пока не научитесь атомы переставлять в решетке. Так что брось это дело, понял?

Он торопливо кивнул, но молчал, не зная, что такое ответить, чтобы не вызвать мой вельможный гроссграфий гнев. Я прошелся вдоль стен, поднимая книги, артефакты, трогая тигли, реторты, посуду с остатками порошка, зелий и даже с потеками дурно пахнущей жидкости.

– Счастливое время, – сказал я с тоской. – Всеми науками можно заниматься сразу! С ума сойти. Даже Ломоносов все науки знал и в каждой открытия делал... А теперь где-то повар по карпу уже не умеет жарить сазана.

Миртус слушал с напряжением, на лбу глубокие складки, весь подался вперед, в глазах страх и желание угадать мои желания. Я досадливо отмахнулся.

– Ты... просто работай. Над тем, что считаешь нужным. Золота из неблагородных металлов мне не надо, запомнил?... Я вообще-то как-нибудь соберусь и подскажу тебе, с чего начинать, но сейчас еще сам не знаю... Может быть, я вообще скоро уеду... очень далеко уеду.

– Ваша милость! – вскрикнул он со страхом.

Я успокаивающе вскинул ладонь.

– В любом случае, ты будешь защищен. Я просто так Армландию не покину. Никто из тех, кто пошел со мной, не будет отброшен за ненужностью. Хоть я и свинья, но не совсем

уж и свинская, а просто свинья, как все люди.

Из дальнего угла лаборатории медленно вышел, покачиваясь из стороны в сторону на негнущихся лапах, огромный красный с зеленым варан. Вообще-то дракон, но для меня если дракон размером с палец или ладонь, то это не дракон, а ящерица, а если вот такой – с кошку или собаку, то варан.

Он остановился перед камином и распахнул огненно-красную пасть. Блеснули мелкие белые зубы, дракончика начало трясти, так уходит холод, лапы наконец-то подогнулись, он лег брюхом на прогретый каменный пол. Глаза начали поблескивать настороженно: это из диких драконов, пара поселилась когда-то на чердаке, от них пошли еще дракончики, но молодняк улетал, а эти живут здесь уже пару столетий.

– Грейся, грейся, – произнес я негромко. – Тебе вообще-то пора приручиться. И команды выполнять. Ну там: встать, сесть, лечь, голос, умри...

Дракончик, вздрагивая, прижимался к полу, стараясь прогреть кроме пуза еще и бока. По мере того как холод уходил, бока стали ярко-желтыми, чешуйки заблестели фиолетовыми искорками.

– Странное ты животное, – сказал я тихо. – Расцветка у тебя... гм...

Миртус спросил так же тихо:

– А что не так?

– Расцветка всегда для чего-то нужна, – объяснил я. –

Будет тебе Господь раскрашивать каждую букашку просто так!.. Господь никогда ничего не творит от не фига делать, даже из рыцарской доблести. Обычно окраска нужна, чтобы спрятаться. Значит, либо под цвет местности, либо надо закосить под опасных зверей... Есть такие мухи, что похожи на ос или пчел, есть безобидные жуки, что выглядят, как ядовитые...

Он слушал внимательно, я видел по его глазам, что он стремительно перелистывает в памяти изображения всех мух и пчел, я добавил:

– А ты видел, как бабочка садится на дерево? Сверкает красными, как раскаленный уголь, крыльями, а потом р-р-раз! – и замирает, плюхнувшись на серый ствол и сложив крылья. А когда сложит – они у нее серые, под цвет коры. И не шевелится, зараза. Рядом ходишь и не видишь!.. Так все на свете. Но почему этот такой разноцветный?.. Либо его привезли из самых-самых южных стран, где все яркое... Представляешь, как попугаи – всех цветов радуги? Это такие местные вороны, тоже по помойкам мусор разгребают.

Миртус спросил почтительно:

– Вы и на Юге были?

Я загадочно промолчал, снова погладил дракона по чешуйчатой спине.

– Или же, – проговорил я другим тоном, – его вывели здешние маги. Уже таким, разноцветным.

Миртус встрепенулся:

– Зачем?

Я пожал плечами:

– Когда общество становится богатым, оно многое делает просто так. Дурью мается. Это называется по-разному, кто-то выражает свое «я», кто-то ищет новые грани прекрасного, а многие просто дурака валяют. Так что этот дракончик может быть просто забавной игрушкой. А когда мир рухнул в преисподнюю, уцелевшие дракончики одичали. Селятся по-прежнему в людских домах, но люди уже не принимают их, как раньше.

Он посмотрел на меня с опаской и сказал осторожно:

– Я вообще-то принимаю.

– Из научного интереса? – спросил я.

Он сказал торопливо:

– Да-да, они могут оказаться полезными...

– Ничего, – обронил я. – Ничего страшного, даже если просто для красоты. Как вон цветы на столе! Так и этот дракончик. Он тоже... цветы, только под столом.

Глава 3

Северный ветер, надрываясь от натуги, притащил огромную, как горный хребет, тучу. От нее прогибался и опасно потрескивал небосвод, на землю пала грозная тень, я ожидал светопреставления, но посыпался редкий мелкий снежок.

Наступил вечер, в черной и страшной земле кое-где начали белеть трещины, туда забивался снег, но в остальном мир голый, бедный и страшный. Я удалился в свои покои мыслить о человечестве, то есть спать, а когда утром, шлепая босыми ступнями по холодному полу, подбежал к окну, ахнул.

В воздухе кружат огромные снежинки, блестя на солнце, так мне показалось, но присмотрелся, раскрыл рот: снежно-белые бабочки, сверкая крылышками, выются над уже запорошенной землей, гоняются друг за другом, словно в брачный период, небольшая стайка кружится над заснеженными кустами.

Одевшись потеплее, я выскочил во двор, странно преобразившийся: белый, испещренный следами тех, кто встает раньше меня. У кузницы бородатый мужик с широкой лопатой в руках мыслит, но снег едва запорошил землю, чистить еще рано. Воздух морозный, я сдуру хватанул его, как медведь меду бегемотьевой пастью, закашлялся. Странные бабочки не исчезли, порхают, нелепо дергаясь из стороны в сторону, это чтоб воробы, которые ловко хватают летающих

по просчитываемым траекториям стрекоз, мух и прочих жуков, на этот раз промахивались.

Из кузницы вышел Макс, в овчинной шубе, теплых сапогах с меховыми отворотами. В руках кинжал, Макс осматривал его придирчиво, поворачивая лезвие, будто ловил лучи солнца.

– Что, – спросил я, – снова затупился?

– Да, – ответил он сокрушенно, дыхание вырывается легким облачком и возгоняется гаснущей струйкой ввысь, – плохая сталь...

– Дело не в стали, – заметил я и тоже проследил, как с каждым словом облачко пара вырывается изо рта, как из носика закипающего чайника. – Не в стали.

– А в чем?

– Ты, наверное, им пользовался?

– Ну да, – ответил он с недоумением. – А как иначе мясо нарезать?

– Ну вот, – сказал я нравоучительно, – а единственное оружие, которое от частого употребления становится острее, – это язык!.. Слушай, у меня что, в глазах мерещится? Это вот что?

Он проследил за моим взглядом, на лице отразилось непонимание.

– Бабочки, сэр Ричард!

– Гм... но бабочки должны лететь на огонек, – сказал я глупо, – а баран бодать новые ворота! А здесь и бараны ка-

кие-то странные, и бабочки не совсем бабочки.

– Самые настоящие, – заверил сэр Макс. – Всегда летят на огонь! А жаль...

– Сгорают?

– Нет, раньше успевают растаять.

Я кивнул, Макс отсалютовал и вернулся в кузницу, а я пошел вдоль стены. Испуганные бабочки улетели к дереву. Похоже, не только тараканы способны пережить всякие катаклизмы. Вон и бабочки, созданные каким-то чудачком, любителем зимних красот, все еще порхают, безмозгленькие, крылышками бяк-бяк-бяк...

Из конюшни показался сэр Альбрехт, блестящие доспехи, как и нарядный камзол, исчезли под шубейкой, впрочем, умело и изящно подогнанной по его фигуре. Он охлопывал себя со всех сторон, затем вывернул голову к плечу, как скрипач, и сбросил щелчком только ему видимую соломинку.

– Сэр Альбрехт, – сказал я, – приветствую! Как спалось?

– Покойники не тревожили, – сообщил он, – хотя перед отъездом к вам кое-кого повесил.

– Сэр Альбрехт, – сказал я, – вот вы гордитесь, что можете без драки попасть в большие забияки. Я вам даю шанс проявить себя...

Он прервал обиженно:

– Сэр Ричард! Обижаете. Я никогда не уклонялся от необходимости, разве не так?

– Простите, – сказал я с покаянием, – наверное, я недостаточно четко оформил свою уникальную мысль. С этой куртуазностью всегда в какое-то говно вступишь. Ради изысканности речи такую херню, бывает, спорешь! Я хотел сказать, вы никогда не уклонялись, все верно, но сами не нарывались, что вообще-то похвально. Это говорю не как рыцарь... понятно, что должен сказать рыцарь, а как мудрый государь... это я о себе, а то смотрите по сторонам с таким недоумением, что мне, право, неловко. За вас, конечно.

Он переспросил медленно:

– Как государь?

– Ну да, – ответил я поспешно. – Как государь Скворре и Коце. И гроссграф, конечно. Потому что если хочу быть гроссграфом, то должен и держаться, как гроссграф. А это значит – поменьше драк, мы ж одна семья. А то соседи смотрят через забор и втихую скалят зубы. Радуются, значит, сволочи.

– Сэр Ричард, – напомнил он, – вы хотели преподнести мне какую-то гадость...

– Вот вы как думаете о своем сюзерене, – упрекнул я. – Наоборот, радость преподношу! Снег завалит все дороги, вовевать станет невозможно, но силы копить можно.

– Скорее яд, – уточнил он.

Я покачал головой.

– Какой яд, мы ж рыцари! К тому же Бог за нас, разве не видно?.. Зима наступает как раз тогда, когда мы нахапали

всего, теперь задача удержаться. До весны должны продумать все и подготовиться. Как к труду, так и к обороне.

– К труду?

Я кивнул:

– Полагаю, сумеем интенсифицировать систему труда.

Мы ж когда надо, то самые что ни есть демократы: умеем выжать из человека все соки!.. Причем так, что выдавит до-суха себя сам, по доброй воле!.. И вообще, как грессграф Армландии, я хотел бы...

Барон Альбрехт прервал:

– Сэр Ричард, не в обиду, но чтоб вам не нарваться на... скажем помягче, на грубое непонимание, а то и насмешки, вам лучше бы...

Он остановился, подбирая точное слово, педант, я спросил нетерпеливо:

– Ну что за гадость вы никак не решаетесь вымолвить?..

Барон, я вас не узнаю.

Он ответил с достоинством:

– Вы уже несколько раз с эдакой гордостью назвали себя грессграфом, что я просто вынужден в ваших же интересах все-таки напомнить...

– О чем?

– Вы еще не грессграф, сэр Ричард, – сказал он холодно-вато. – То, что часть графов Армландии предложила этот звучный титул, хорошо и весьма обнадеживает...

Я спросил саркастически:

– Только обнадеживает?

Он кивнул, лицо серьезное.

– Не зарывайтесь, – предостерег он, глядя на меня в упор глазами цвета спелого желудя. – Не зарывайтесь...

– В желуди? – уточнил я задиристо.

Он усмехнулся, абсолютно не реагируя на провокацию.

– Нет, свиньей я вас не называю даже в мыслях. Другими словами – да, но не свиньей. Просто к гроссграфству стремиться надо, однако...

Я спросил раздраженно:

– Что «однако»?

– Пока Совет лордов еще не признал вас гроссграфом, – закончил он хладнокровно. – Так что давайте и мы воздержимся, чтобы гусей не дразнить. Весьма родовитых гусей. Вы пока что сюзерен множества земель и замков, то есть оверлорд. Оверлорд – хорошее емкое слово. Как раз для такого вот положения, когда вы фактически уже гроссграф, осталось чуть-чуть дожать, но пока еще не гроссграф. Но уже и не простой граф, у которого под властью только одно графство. У вас в вассалах дюжина графов с их графствами, так что фактически вы гроссграф...

Я отмахнулся.

– Не повторяйтесь, барон. Когда занудствуете, я бы вас придушил с великим наслаждением. Вот уже ладони зачесались, видите? Я не буду называть себя гроссграфом, удовлетворены?

Он поклонился, расшаркался, развел руками:

– Только для вашей же, а значит, и для нашей пользы. Мы связали свои судьбы с вашей, потому заинтересованы, чтобы вы не дурили... слишком. А то и нас с вами перетопят.

Я фыркнул:

– Вы же дипломат, барон! Не поверю, что не успеете вовремя переметнуться на другую сторону!

Он посмотрел с сомнением.

– С вами никогда не угадаешь, когда пора. Вы из таких безнадежных положений выныривали, да еще со щуклой в зубах!

– А еще вы хотели меня связанного в воду, – напомнил я враждебным голосом.

Он рассмеялся, я ощутил облегчение, этот расчетливый гад обладает умом и обаянием. И хотя наверняка предаст в нужный момент, но сейчас просто незаменим с его острым умом и невероятной способностью все замечать, анализировать и делать верные выводы.

– Пойдемте в дом, – предложил я. – Зима только начинается, а я уже мерзну.

– Вот что значит воевать только на Юге, – посочувствовал он с лицемерным вздохом.

Я сделал вид, что не заметил провокацию.

Миртус по распоряжению барона Альбрехта собрал в библиотеке труды по военному искусству и принес в зал, где

продолжается бесконечный, как в Вальгалле, пир. Альбрехт и Макс тут же принялись с увлечением разбирать всякие тактические уловки греков и римлян, спорили, к ним было присоединился Растер, но быстро потерял интерес и вернулся к столу.

Меня тоже пытались вовлечь в обсуждение, правы ли были греки в расчетах, когда дали бой при Саламине, или им просто повезло, я вздохнул, покачал головой.

– Спасибо, это не по мне.

– Почему? – удивился Макс. Он покраснел от смущения и смелости, возражая сюзерену. – Здесь мемуары Юлия Цезаря, Ксенофонта и других великих стратегов!

Сэр Растер пробасил, поднимая кубок с вином:

– Ну да, ну да, Анабазис в своем «Ксенофонте» очень подробно разбирает стратегию и тактику великих полководцев. У него там примеры как удачных, так и неудачных тактических построений... Так что вы зря, сэр Ричард.

– Я не о том, – ответил я с неохотой, – примеры, конечно, хороши и полезны. Да, много примеров... гм... и очень удачных...

Альбрехт смотрел с ожиданием, а нетерпеливый Макс спросил:

– И что лично вы применяете?

Я покачал головой.

– Покажется хвастовством, но я в самом деле знаю больше Ксенофонта и... э-э... Анабазиса. Не по количеству так-

тических приемов, а по... диапазону, что ли.

Альбрехт спросил настороженно:

– Это как?

Я развел руками:

– Давайте, пока сохранию в тайне. Вообще-то такое благородное дело как война со временем опошлили и сделали почти таким же грязным, как политика или даже искусство.

Они застыли, шокированные, на лицах уважение ко мне борется с недоверием к моим словам, слишком уж страшные и совсем крамольные вещи говорю. Макс спросил жалобно:

– Но как же... как войну... можно?..

– Нашлись такие сволочи, – ответил я со вздохом. – Там, где церковь слаба и не пользуется авторитетом, война начинает обходиться без правил и ограничений. Как следствие, быстро превращается в омерзительное чудовище. Увы, я видел такую войну...

На их лицах отразилось омерзение, Растер с несвойственной ему живостью переспросил:

– Вы лично?..

– Я не участвовал, – ответил я торопливо, – но видел...

Так что знаю о войне больше Ксенофонта.

Растер размашисто перекрестился:

– Господи, сохрани меня от того, чтобы даже увидеть такое!

– Увы, – сказал я, – войны будут повторяться и повторяться. До тех пор, пока вопрос: вступить в войну или нет, будет

решаться не теми, кто умирает на полях сражений.

Растер возразил:

– Сэр Ричард, есть же справедливые войны!

– Есть, – согласился я, – но нет справедливых войск. И вообще... тот, кто не пережил ни одной войны, никогда не узнает, в какое прекрасное довоенное время он жил.

Поздней ночью я спустился в подвал, где совсем недавно меня пытали по приказу Эстергазэ. Стражей, что пытались сопровождать меня, а то и забежать вперед, я оставил в нижнем коридоре по ту сторону двери. Спустившись по ступенькам, прислушался, наверху за дверью тихо, стражи дисциплинированно ждут.

Выйдя на середину подвала, я сказал негромко:

– Дух Огня!.. Твой сюзерен призывает тебя.

В подвале все так же тихо, я настороженно посматривал по сторонам, выждал, повторил громче:

– Дух Огня!.. Появись, ты мне нужен. Я – твой сюзерен.

В смысле, Тот, Который Вправе.

В мертвой тишине слабо доносились далекие звуки сверху. В третий раз я сказал еще громче и настойчивее:

– Дух Огня, Демон Камня... Огненный Червь... Обрушитель... Проникатель... Как тебя еще? Ага, Последний Из Роящихся, – отзовись, это я призываю, хозяин!

Полная тишина, даже наверху все затихло, словно опустили толстую могильную плиту. Я вздохнул, и раньше пробо-

вал вызвать этот подземный силовой вихрь: когда был в герцогстве Брабант, когда дожидался корабля в Тарасконе, хотя Дух Огня и сказал, что услышит, где бы я ни находился, и тут же появится в толще земли подо мной, но явно переоценил свои возможности. Просто не знает, что и за пределами того комплекса, который обслуживает, есть мир.

Здесь я к Югу настолько близко, что не слышу Санегерийю, сюда с трудом проламывается Тертуллиан, а по ту сторону Хребта так и вообще таинственный и зловещий Юг... в том значении, как Крым был Грецией: хоть и не греки, но эллинское влияние перебивало местное.

Убедившись, что силовой вихрь так и не появится, я щелкнул пальцами. Вспыхнул зловеще багровый свет. В двух шагах появилась фигура из кипящего огня. Демон все так же стоит, ни на что не реагируя, чуть-чуть покачивается на слегка согнутых ногах. Глаза из-под массивных надбровных дуг смотрят люто, но мимо меня.

– Привет, – сказал я невесело, – хоть ты подай знак, что слышишь... Да знаю, что слышишь, но не слушаешь... На какой козе подъехать, чтобы начал реагировать?

Багровый демон невидяще смотрел мимо меня в пространство. Когда истекло время ожидания, исчез, даже не мигнув, а я потащился обратно.

Стражи грохнули в каменный пол древками копий. Я прошел мимо, буркнул:

– Бдите, бдите... А я пойду мыслить.

Не знаю, зачем такое брякнул, но иногда почему-то чувствую потребность оправдаться, что вот я – феодал, а они – народ попроще. Хотя оправдываться вряд ли надо: никто и не оспаривает моего права владеть, судить и карать, а также права первой брачной ночи, как же оно меня достало: все время помню, а пока еще ни разу не воспользовался, лопух.

Рано утром вызвал управляющего, тот кланялся так часто, что я не успевал рассмотреть его лицо, наконец, сказал раздраженно:

– Изволю велеть выкопать глубокий колодец!

– Во дворе очень хороший колодец, – сказал он поспешно.

– Хороший, – согласился я, – но я изволю поиметь колодец прямо в замке. В подвале!

– В подвале?

– В том самом, – прорычал я угрожающе, – в котором та сволочь, что считалась недавно хозяином замка, приковала меня к стене.

Он охнул:

– В подвале? Какой же там колодец?

– Глубокий, – объяснил я. – Понял? Колодец должен быть глубоким.

Он развел руками, поклонился, не осмеливаясь даже комментировать: лорд есть лорд.

– Будет сделано, ваша светлость.

Рыцари не сразу узнали, что в подвале ведутся странные

работы. Я объяснил, что колодец будет на случай осады, на что Растер резонно возразил, что достаточно и того, что во дворе. Я сказал, что если двор захватят, можно будет держаться в самом донжоне.

Барон Альбрехт, более сметливый, предположил, что я подумываю вырыть тайный ход, чтобы в случае опасности можно было покинуть замок незамеченным. Другие просто молча посматривали с опаской, не рехнулся ли, кто же роет колодец в таком неудобном месте. Наконец, я высокомерно объяснил, что мне вожжа под хвост попала, изволю и все.

Когда докопали до бог знает какой глубины, но воды не оказалось, Растер, Макс и Митчел посмотрели с недоумением. Мне было жутко неловко, верят в меня как не знаю во что, всякий раз стыдно, словно обманываю девственниц, я сказал тихонько:

– Ладно, открою тайну...

Все трое оживились, придвинулись ближе, Растер опасливо огляделся по сторонам.

– Насчет колодца?

– Да, – ответил я шепотом. – Дело в том, что удачи не могут идти одна за другой. Если что-то удастся, а потом еще и еще раз удастся, то следом будет такой облом... мало не покажется!

Макс пробормотал:

– Я такое тоже заметил...

– Чем больше удача, – сказал и Растер авторитетно, – тем

глыбже потом яма.

– Молодцы, – сказал я обрадованно. – Мне повезло, что у меня такие орлы! На лету хватают. Потому я посмотрел на звезды и увидел, что следующая моя затея будет крупной неудачей. Вот я и затеял это важное дело... ибо что может быть важнее, чем снабжение замка водой во время осады? Но, как видите, мой замысел с треском провалился.

Они тупо смотрели на меня, потом до обоих дошло, Растер просиял, как умытая дождем гора, а Макс пробормотал ошарашенно:

– Это вы так судьбу обманули?.. Ну ничего себе... Хотя правильно, эта зараза столько нас обижала, что надо и ее мордой в собственное дерьмо потыкать!

Я сказал подбадривающе:

– Так что, ребята, следующее предприятие обязательно приведет к победе! Я хитрый.

Макс возразил:

– Сэр Ричард, вы не хитрый. Вы – мудрый.

– Да, я такой, – согласился я скромно. – Такое намудрю... Ладно, ребята, а теперь продолжайте пировать, а то сколько той зимы?.. Глазом не успеешь моргнуть, как все завалит снегом, потом растает, надо будет готовиться к ратным подвигам во славу наших прекрасных дам-с, а мы еще не готовы.

– И то правда, – согласился поспешно Растер. – Пойдемте, сэр Макс! В самом деле, сколько той зимы, как мудро гово-

рит наш лорд. А в подвалах столько вина!

– Да, – согласился сэр Макс, – столько вина пропадает зря, сэр Растер...

Глава 4

На другой день с утра я поднялся сонный и с торопливой жадностью глотал крепкий горячий кофе, за дверью загремело железо, а стражи привычно грохнули в пол тупыми концами копий. Дверь приоткрылась, барон Альбрехт просунул голову в покои.

– К вам сейчас можно, сэра Ричард?

– Заходите...

– Я не один, – предупредил он и, не ожидая ответа, повернул голову, крикнул что-то в коридор. Ему отвечали торопливо и бубняще. Послышался топот убегающих ног.

– Что случилось? – спросил я.

Он пожал плечами:

– К вам еще вчера просился на прием один... Я велел подождать, пока вы ужинаете. А потом что-то помешало. Говорит, у него карта.

Я поморщился.

– Карта? Армландии? У меня уже есть.

– Это хорошо, – одобрил барон. – Сказать, чтобы гнали в шею?

– Погодите, – сказал я. – Сравним. Вдруг на моей неточности?

– Разумно, сэра Ричард.

В коридоре приближался топот, Альбрехт открыл дверь,

что-то сказал отрывисто и пропустил человека среднего роста и в простой одежде, не то горожанина, не то странствующего торговца. Тот уже мял в руках шляпу, суетливо поклонился и, сделав несколько шагов к моему столу, поклонился снова. Из-под мышки сиротливо выглядывает свернутый в трубку лист пергамента.

– Сом, – произнес он быстро. – Ваша милость, меня зовут Сом, сын Маиса, я из рода картографистов. Могу ли представить вашей светлости труд всей моей жизни?

– Можешь, – буркнул я. – Вижу, ты не очень себя утруждал... э-э... трудом.

Он смутился, взгляд его метнулся к столу. Я приглашающе указал на свободную половину столешницы.

– Расстилай. Твоя карта там поместится.

Он поклонился, я уловил на губах загадочную усмешку. Альбрехт с непроницаемым лицом смотрел, как умелец развернул лист и, прижав края, расположил на указанном участке стола. Я обратил внимание, что в расстеленном виде она несколько больше, чем в свернутом, как раз на всю ширину стола, будто он заранее рассчитал, где будет проводить презентацию.

Чуть желтоватый лист пергамента показался мне абсолютно чистым. Барон нахмурился и посмотрел на картографиста грозно и с неким намеком. Мол, за обман лорда могут просто выпороть на конюшне, а могут и вздернуть.

Картографист наклонился над столом, губы зашевели-

лись. Я услышал длинную фразу на колдовском языке. Рас-топыренные ладони задвигались над картой, словно размешивал невидимое тесто. Возникло белое облачко, Альбрехт заинтересованно подошел ближе, я внимательно следил за картографистом. Тот закусил губу, на лбу застыли глубокие морщины. С застывшим лицом он повел руки вниз ладонями, плечи напряглись, будто придавливает нечто брыкающееся. Облачко быстро уплотнялось.

– Уф-ф, – произнес он, облачко легло на стол и растеклось, как огромный блин. – Я уж начал волноваться, что в вашем присутствии, ваша милость, не получится.

– Не ты один, – пробурчал я. – Все телепаты и ясновидцы почему-то скисают, когда вместо суеверных старух надо выступать перед учеными.

– Получилось, ваша милость.

– Да ну?

– Взгляните.

Я шагнул к столу и, несмотря на скептицизм, застыл в восхищении. Карта Армландии, самая совершенная из увиденных. Первую карту по моему приказу делал Саксон, но то каракули, леди Беатриса многое поправила, но она знает только соседей, за время похода я сам нанес на карту почти все, что встретил, однако сейчас настоящая карта! Не только проработанная до мельчайших деталей, но и с четко обозначенными границами. Как с Фоссано, где правит король Барбаросса, так и с королевством Турнедо, где рулит крутой и властный

Гиллеберд Фруассар... ага, а вот еще граничит с кем-то на крохотном участке...

Картографист сказал торопливо:

– Сэр Ричард, я не сомневаюсь, что у вас есть уже, но моя...

– Лучше, – прервал я великодушно. – Твоя явно лучше. Я не знаток, но такое оценить может даже рыцарь. А то и пфальцграф.

Он сказал смиренно:

– Ваша милость, у этой карты есть одна важная особенность.

Он замолчал с тем смирением, что паче гордыни, я спросил заинтересованно:

– Ну-ну, какая?

– Теперь на карте отмечается все, что... меняется, – сказал он, потупив глаза. – Я работал над этим тридцать лет, ваша милость! Сперва это была просто карта, но теперь уже не просто. Словом, если лес исчезает под натиском озера или река меняет русло, все меняется и на карте.

Альбрехт торопливо перекрестился, еще и поплевал через плечо. Я изумленно покрутил головой.

– Твоей карте цены нет... Просто нет. А это что за отметки?

– Рудники, – подсказал он почтительно. – Это вот медь, а это олово. Если их смешать...

– Знаю, – прервал я, – бронза. Проходили. А это?

– Железо, – ответил он.

– Хорошо, – сказал я, – все куплю, сказала золото, все возьму, сказал булат.

Он чуть подбодрился, но сказал все еще виновато:

– Золотые рудники тоже были... в древности, но золото выбрали. Еще тогда.

– Неважно, – сказал я бодро, – не ты же выбрал? Или ты? С такой картой это легко... Ладно, лишь бы железа хватило. Железом и кровью, как сказал великий Бисмарк, объединим и добьемся, а также получим и нагнем. Это вот что за кочки?

– Деревни, ваша милость. Если присмотритесь, там видны точки. Это дома.

– Здорово, – сказал я пораженно. – Я думал, болота. Все, значит, учтено? Прекрасно, никто от налогов не увернется. А людей отсюда рассмотреть нельзя? Через лупу, например?

Он развел руками, на лице отразилась обида.

– Ваша милость...

– Ладно-ладно, – прервал я, – ты сделал великое дело! Это я так, вдруг да себя отыщу на глобусе? Хотя в этом направлении работать, полагаю, можно. Река изменила русло, и это стало заметно – понятно, силы природы, но лес – органика, почти люди... Если требуется финансирование, скажи. Могу выделить гранты. И еще...

Я указал Альбрехту взглядом на мой меч в ножнах, что в красивой позе отдыхает у изголовья ложа. Барон удивился, но подал мне церемонно, обеими руками, еще и поклонил-

ся. Я взялся за рукоять, сверкающее лезвие покинуло ножны легко и с легким музыкальным звоном.

Альбрехт сказал картографисту строго:

– На колени! Быстро!

Тот испуганно опустился, я хлопнул плашмя лезвием по плечу.

– Сом, сын Маиса, – сказал я громко, – властью, данной мне королем и Господом Богом, жалую тебя званием рыцаря за особые заслуги в деле укрепления государства, его священных границ и обороноспособности! Если мы изволим жаловать рыцарским званием молодого дворянина, выказавшего доблесть и отвагу в бою, то ты сделал намного больше, чем разгромил войско противника в одиночку!.. Встаньте, сэра Сом!

Он торопливо вскочил, глаза как блюдца, ошалевший и обалдевший. Я обнял его и, отстранив на вытянутые руки, сказал требовательно:

– Сэр Сом, вам поручается дальнейшая работа и усовершенствование карты. Требуйте необходимые материалы, все вам будет обеспечено, за исключением крови христианских младенцев и человеческих жертв... ну, разве что мигрантов каких неучтенных... В смысле, иностранцев из числа военнопленных. Вам по рангу положены помощники, допуск в важнейшие библиотеки, служанки для естественных нужд и баннер. Главное, конечно, баннер, не так ли?

Сом, сын Маиса, а теперь уже сэра Сом, растерянно хлопал

глазами, но нашел в себе силы развести руками:

– Ваша милость...

– Сэр Ричард, – напомнил я. – Отныне не «ваша милость», а «сэр Ричард»!

Он пролепетал совсем смущенно:

– Сэр Ричард, я бы лучше доступ в библиотеки...

Альбрехт хохотнул, поинтересовался:

– А почему не служанки?

Сэр Маис вздохнул.

– Да служанки для этого полезного и нужного дела годятся и чужие, а вот допуск в библиотеки...

– Хорошо, – сообщил я бодро, – будет тебе допуск во все библиотеки! Будет. Как только сами библиотеки заведем. Полный допуск обеспечим. С причитающимися льготами. Пока дело за мелочью – библиотек еще нет... Кстати, а что у тебя вот здесь за муть? Не то деревня, не то рудники, а еще и вроде болото...

Он прямо посмотрел мне в глаза, я уловил затаенную усмешку.

– Когда ваша... когда сэр Ричард изволит восхотеть посмотреть своим пфальцграфым оком на мелкие детали, он, может быть, изволит очистить больше места на столе.

Я фыркнул.

– И что? Твоя карта растягивается, что ли?

– Да, – ответил он с такой гордостью, что хоть сейчас в бароны. – Это же шагрень!

– Гм, – сказал я озадаченно, – я слышал, шагреневая кожа умеет только сокращаться.

– Кто вам такое сказал?

– Барон Оноре... гм... де Бальзак!

– Он не все знал, – заверил сэр Сом.

– Да, – согласился я, – он больше специалист по бабам. Наверное, потому, что вообще-то Бальса.

Альбрехт смотрел озадаченно то на одного, то на другого, а мы, знатоки по колдовским кожам, быстро освободили вторую половинку стола, переложив все на кресла. Сам взялся за один край, я за другой. Ухватив покрепче углы, потянули, кожа начала потрескивать, Сом успокаивающе заверил, что залежалась просто, долго не растягивали, все хорошо...

Растянув шагреневую кожу на весь стол, снова закрепили углы, Альбрехт первым рассмотрел карту, охнул, восхищенно выругался. Помимо укрупнившихся деталей, появилось великое множество мелких. Теперь и я видел, что в том непонятном месте обычная деревня расположилась на болоте и прямо оттуда добывает железную руду, болотная считается самой лучшей. И что рядом еще два болота поменьше, но глубоких, дорогу сверху не проложишь, лучше всего вон там прямо через небольшой лесок...

Я присвистнул.

– Да-а, карта твоя... чудо. А еще растянуть можно?

Он кивнул.

– Да. Но если порвется, то такой и останется. Огромной.

Я подумал, кивнул Альбрехту.

– Любезный барон, возьмитесь за тот край, а вы, сэр Сом, за другой. Я с этой стороны, надо же оправдывать прозвище длиннорукого... Потянули, потянули... еще... еще... стоп, хватит!

Карта заняла полкомнаты. Я крикнул стражей, вбежали трое, я поручил им держать края и опустил пониже, к самому полу, а сам пошел по периметру, восторгаясь и хлопая руками. В той деревне, что на болоте, видны не только дома, и мелкие плавильные печи, но и кузницы, сараи, загон для скота...

Барон тоже ахал, сэр Сом сиял, а стражи тупо таращились и явно пытались перекреститься хотя бы ногами. Наконец, я велел с сожалением:

– Ладно, отпускай!

Карта стремительно свернулась в рулон, что моментально уменьшился до размеров туго свернутой брошюры. Сэр Сом подхватил и подал в одно движение, я поблагодарил кивком.

– Спасибо! Это не просто карта, благодаря которой я смогу расставить войска. С этой карты начнем планировать удвоение ВВП и большой скачок в экономике! Догнать и перегнать прочие развитые по неразвитости страны. Все свободны... а вы, сэр Альбрехт, задержитесь.

Когда стражи и сэр Сом вышли, барон Альбрехт сказал с сомнением:

– Сэр Ричард, а стоило ли все-таки простолюдина в рыца-

ри... не за рыцарское дело? Одно дело – подвиг, другое дело... гм...

Я сказал строго:

– Сэр Альбрехт, этот человек принес большую пользу. Давайте не кривить душой: сколько рыцарей, получивши высокое звание, только пьянствуют и таскают девок в постель?.. Какая от них польза в невоенное время? А это как раз воинский специалист. Труд всей его жизни представил! Вот теперь баб и пьянки заслужил, верно? Так ему не баб, а библиотеки подавай! Еще трудиться желает. Мы по его картам всю страну обустроим и перестроим. И все границы на замок. И выйдем на ту сторону Хребта.

Он насторожился, я видел, как напряглось лицо, а глаза вспыхнули.

– Это... в каком смысле?

Я понизил голос.

– Запомните, я вам ничего не говорил! Но благодаря этой карте я уже понял, как копыта наших коней оставят следы на мокром песке Великого Океана.

Его лицо напряглось, а глаза сузились. После долгой паузы он произнес холодноватым тоном:

– Сэр Ричард, вы теряете голову от успехов. Именно в таком состоянии и ломают шею.

Я подумал, кивнул.

– Вы правы. Оставим эту тему. Прошу вас, сэр Альбрехт, пригласите вечером самых доверенных рыцарей на военный

совет. Посмотрим карту еще, выявим опасные места. Как внутри, так и на границах. Пора подумать, что нужно успеть до весны. Опасаюсь, что наши противники не станут спать всю зиму.

Глава 5

Весь день отовсюду доносится стук молотков и молотов. По замку шныряют, торопливо кланясь при встрече, каменщики, плотники и столяры. Я велел заделать все дыры и щели, пусть это выглядит немужественно, но почему-то вот попала вожжа под хвост с идеей зиму провести в не продуваемых насквозь помещениях.

Когда тщательно заделали верхние покои и пришли за расчетом, я отправил так же тщательно заделать все и внизу, чтоб ни малейшего сквозняка в помещениях для людских. Сэр Растер удивился такой заботе, только Альбрехт понимающе кивнул. Когда челядь простужена и болеет, то и обед не готов, и дров для очага никто не внесет, и вообще все быстро зарастает паутиной. Но рыцари по своему высокомерию не замечают такой явной связи.

Когда меня благодарили за такую заботу, в самом деле чувствовал себя неловко: для себя старался, не для них, чумазных.

Вечером малый зал, куда я перенес карту, начал наполняться запахами вина, жареного мяса и печеной дичи: сэр Растер, сэр Митчел и барон Альбрехт явились прямо из-за праздничного стола. Зима, а зимой что мужчинам делать, кроме как пировать и прикидывать, с кем скрестить оружие, когда растает снег и подсохнут дороги?

Чуть позже прибежал запыхавшийся сэр Макс, румяный с мороза, синие глаза светятся, как крупные сапфиры. Громко топал у порога, стряхивая с сапог снег, вытягивал шею, стараясь поскорее понять, что мы там рассматриваем.

Я указал на карту, что заняла весь стол.

– Итак, вот она, Армландия!..

Рыцари окружили стол, сэр Растер всмотрелся, радостно заржал:

– Здорово, вон даже та дорога, на которой мы с сэром Ричардом встретились! И познакомились, да... это она.

Я отмахнулся.

– О прошлых подвигах будем рассказывать у камина, когда от старости руки не смогут держать меч. А пока давай о будущем. Расскажи про соседей. Зима зимой, но почему-то мне кажется, что весна все-таки придет... как думаешь?

Сэр Растер перекрестился.

– Если Господу будет угодно, сэр Ричард. Все в его руке. А захочет, то и не придет. Соседи у нас известные: Барбаросса, Гиллеберд, Кейдан и король Роджер Найтингейл, у него небольшое королевство вот здесь... ага, вот здесь! Но Армландии повезло, сэр Ричард. Только земли Гиллеберда переходят в наши без всяких границ, если не считать речушку, что в жаркие дни... можете в такой снегопад представить себе жаркие дни?.. пересыхает вовсе... А так Барбаросса за болотами, Кейдан за Хребтом, а Найтингейл – за Орочьим Лесом, что такой же непроходимый, как и Хребет.

Я склонился над картой, упершись обеими руками в края стола. Сом, молодец, сумел на одном листе соединить физическую карту, политическую и даже метеорологическую. Или тектоническую. Могу рассматривать леса, реки, озера, болота, но также границы баронств, графств и герцогств. Кроме того здесь, как уже понимаю, отмечены «горячие точки», то есть места, которые раньше обозначались как «здесь водятся неведомые звери».

Вот сильно вытянутый, словно ложноножка амебы, в сторону Армландии краешек земли рядом с обширными владениями Хоффманна. Бывшими владениями, ныне – будакерские.

Митчел пару раз зыркнул встревоженно:

– Что-то случилось, сэра Ричард?

Я указал на карту:

– Что за клочок земли рядом с Хоффманном... э-э... сэром Будакером?

Он чуть ухмыльнулся на обмолвку, но тут же брови сошлись на переносице, а взгляд стал озабоченным.

– Барон Гяуссер. Человек ничем не примечательный, но чванливый и гонористый без меры. К сожалению, сэра Ричард, он первым попал под влияние Гиллеберда. Фактически его земли уже включены в состав королевства Турнедо.

Я переспросил осторожно, теперь надо следить за языком, ко мне прислушиваются, а это обязывает:

– Это как?

– К нему наезжают то королевский судья из Турнедо, то королевский лесничий, то посланцы. Все распоряжаются в его землях, словно в Турнедо. Зато сэр Гяуссер принят при дворце Гиллеберда, как почетный гость, даже – друг. Должен заметить, что так он чувствует себя намного лучше. Сам по себе он воин плохой, а как хозяин понимает, что лучше принять защиту сильного, чем слабого.

Я молчал. Это не нравится, даже не в силу ущемленного самолюбия, я все еще не чувствую себя ни пфальцграфом, ни гроссграфом, но такая замороженная горячая точка всегда нехорошо.

– Наверное, – сказал я, – не нужно спрашивать, на чьей он стороне.

– В ваших претензиях на титул гроссграфа? – правильно догадался барон Альбрехт. – Больше всего он на стороне Гиллеберда, а тот, естественно, предпочел бы видеть Армландию без королевского наместника Барбароссы.

– Понятно. Его замок хорош?

Митчел пренебрежительно отмахнулся.

– Коровник, а не замок. В сравнении с замком Будакера, конечно. И земли раз в пять меньше. И расположен не на горе или отвесной скале, а прямо среди равнины.

– Такой защищать трудно, – заметил я. – А почему так?

Он пожал плечами:

– Когда-то это была чья-то резиденция. Но земля дробилась, щедрый господарь раздавал надельные участки детям, так и полу-

чилось, что тот клочок остался за Гяуссерами.

Я всматривался в карту, земля барона Гяуссера узким клином влезла в королевство Турнедо, с двух сторон ее зажимают весьма населенные владения воинственных баронов Байру Руаяля и Доминика Волтона, это уже владения Гиллеберда, так что барон Гяуссер поступил мудро, даже не стараясь укрепить замок. Все равно при необходимости захватят без труда, а любые попытки нарастить воинскую мощь и укрепить оборону будут приняты соседями настороженно и с подозрением.

Альбрехт наблюдал за моим лицом, вздохнул, предостерег:

– Даже не пытайтесь, сэръ Ричард.

– Вижу, – буркнул я.

– Захватить замок барона легко, – все же объяснил он на случай, если я дурак, такое с правителями сплошь да рядом, – но как оборонять? Сам Гиллеберд не придет, ему достаточно кивнуть одному из пограничных баронов. Я не говорю уж о том, что королевство Гиллеберда сильнее, чем Фоссано, но не будем же мы держать огромное войско возле замка Гяуссера в постоянной готовности?

Я махнул рукой.

– Все-все, вы меня убедили, любезный барон. Забудем о такой ерунде, займемся животрепещущим. Как у нас с местными достопримечательностями?..

Альбрехт пожал плечами, а Растер переспросил непони-

мающе:

– Чем-чем?

– Ну, чем можем удивить туристов, в том смысле, где какие диковинки?

– А-а-а, – протянул он, – этого добра хватает...

– Где?

– Точнее расскажет сэръ Альбрехт, он все запоминает! А у меня с глаз долой – из памяти вон.

Сэръ Альбрехт высокомерно усмехнулся, я жестом пригласил его ближе к карте. Он тут же очень подробно и с каким-то мстительным наслаждением перечислил «горячие точки» и «замороженные конфликты»: непроходимые болота с ужасными тварями, зыбучие пески, леса с дурной славой, призрачные замки, загорающиеся реки, зачарованные мосты, раскаленные земли...

– Что за раскаленные? – перебил я. – И сейчас, зимой?

Он кивнул, в его хорошо поставленном голосе странно звучало восхищение нехорошими чудесами:

– Снег становится дождем еще в небе! Земля накалена так, что давно спеклась в черный корж. Говорят, когда трескается, в щелях полыхает адский огонь. Такое место только у нас в Армландии, сэръ Ричард!

– Ах, как я счастлив, – воскликнул я саркастически.

– Да, это диковинка...

– Еще какая, – сказал я, досадуя на себя за тупость.

Мог бы сразу сообразить, что сэром Альбрехтом движет

естественный и вполне объяснимый патриотизм. Даже у могучего Гиллеберда, который со всего света стаскивает в свой дворец диковинки, нет во владениях такого места. А у нас есть. И ни один мудрец не объяснит, почему и как это, зачем и кто.

– И давно?

– Испокон веков, сэра Ричард!

– Ясно, после последней из Великих Войн. Сильно все это мешает жить?

Он взглянул с недоумением.

– Сэр Ричард, люди везде приживаются. В плохие места не заходят, в зачарованные леса не суются, в опасных реках рыбу не ловят...

– Ясно, – повторил я. – Не мы здесь хозяева, а монстры?.. В смысле, люди ходят по одной половице? Шаг вправо, шаг влево – отгрызают головы без предупреждения?

Он спросил обидчиво:

– Как можно, сэра Ричард? Все давно предупреждены. разве что чужак какой побредет, не порасспросив насчет безопасной дороги... Но не ставить же ради них столбы с надписями, что, мол, дальше опасные твари?

– Не ставить, – согласился я, – конечно, не ставить... От дураков надо избавляться. Да, работы здесь непочатый край. Геракла бы с его опытом. Вот уж профессионал по очистке авгиевых земель от хищных тварей. Но за неимением Геракла... придется этим заняться благородным рыцарям. Им

честь, сюзерену слава, а землям – процветание. А также увеличение инвестиций в экономику. Конечно, весной.

Макс сказал, покраснев:

– А Шар Водана?

– Что за шар? – поинтересовался я.

Он покраснел еще больше, беспомощно посмотрел на барона Альбрехта. Тот кивнул:

– Сэр Макс прав, мы просто о нем забыли. Дважды через Армландию прокатывался Огненный Шар. Размером с трехэтажный дом, остановить его невозможно. По преданию, его выпустил один из древних магов за минуту до гибели, потому Шар вечно катится и катится.

Я спросил невольно:

– Когда он был замечен? И где?

– Десять лет тому, – сообщил сэр Растер, опережая барона. – За ним осталась полоса выжженной земли.

– А предыдущий раз, – добавил Альбрехт, – это было восемьсот лет тому. Тоже все аккуратно занесено в летописи.

Сэр Растер воскликнул пораженно:

– Подумать только, восемьсот лет! И такую ерунду записывают...

Барон Альбрехт кашлянул и продолжил озабоченно:

– Сложность ситуации еще в том, что замок барона Эстергазэ, в котором мы сейчас, как раз в центре схватки между кланами Иблингов, Канцеров и даже Эддингсов. Между тремя враждующими кланами, между бароном де Маре и

графом Винстоуном. Из быстро наступающего леса выходят странные люди и нападают на скот и пастухов, а теперь начали нападать и на деревни. Барон Эстергазэ укрепился в очень удачный момент: Иблинги и Канцеры сцепились между собой, граф Винстоун с войском отбыл к королю Гиллеберду помочь тому в войне с Шарлем Глостером, это сюзерен королевства Алькантаро, а небывало жаркое лето остановило наступление леса, откуда в это время лесные люди перестали показываться.

Макс спросил с надеждой:

– А может, исчезли?

Сэр Растер переспросил несколько обиженно:

– Это как это исчезли?

– Ну, как и явились, – огрызнулся Макс.

Растер сказал со вздохом много повидавшего человека:

– Из ниоткуда может взяться любая гадость, запомните, сэр Макс, житейскую мудрость! Но чтоб сама пропала... гм, такого еще не было. Нет уж, всякий раз приходится поработать мечом! Чувствую, нам еще предстоит, предстоит...

– И святым словом, – добавил кротко, но настойчиво Макс. Пояснил: – Там нечисти много, ее мечи не берут.

Растер поморщился, но кивнул.

– Да-да, и святыми молитвами. Вы правы, святой отец... Тьфу, это ты, сэр Макс! Но сейчас зима, лес перестал придвигаться, крестьяне пока не бегут, спасая жизни. А весной лесные люди наверняка выйдут. Да еще в невероятном ко-

личестве! Они велики ростом, свирепы и вечно голодны. Сэр Ричард, вы поняли, на что я намекаю?

– Как же, как же, – ответил я, – на великие подвиги. Только у этих лесных людей добычи вряд ли... Что могли награбить у крестьян?

Сэр Растер шумно поскреб пятерней затылок.

– Да-а, – признал он, – вы всегда смотрите в самый что ни есть корень, сэр Ричард! Тогда, может, ну их, этих орков? Пойдем грабить соседних лордов?

– Разве грабить хорошо? – спросил я кротко.

Он удивился:

– Так ведь доблестно же!

– А-а-а, если доблестно, тогда да, конечно...

– По праву, – сказал он значительно.

Я вздохнул.

– Завидую вам. Грабите, насилуете... А вот меня угораздило вляпаться в гроссграфство. А это значит, придется защищать и простых крестьян, и прочую экологию. Даже бороться с парниковым эффектом и всеобщим потеплением. Словом, кончаются золотые деньки бездумных гулянок за драконьими головами и прочими удовольствиями! Как я понимаю Гарун аль-Рашида...

Барон Альбрехт, не слушая нас, вел пальцем по карте, прослеживая вероятные пути продвижения войск. Макс поглядывал одним глазом, в то же время старался не пропустить откровений сэра Растера, которого глубоко чтит за во-

инский опыт.

– Этот мост, – сказал вдруг барон, кончик пальца замер на синей вене реки, – лучше не пересекать.

Растер спросил тут же грозно:

– А что там?

– Тамплиер, – ответил коротко Альбрехт. Видя на моем лице недоумение, пояснил: – Он еще этой осенью выезжал, но сейчас наверняка вернулся в родительский замок. Но весной, как он сказал, не позволит никому пересечь мост на его землю. И не только на его.

Я насторожился, последние слова задели, спросил настороженно:

– Что значит, не только на его?

– За землями его отца, – пояснил Альбрехт, – еще несколько феодалов, где бароны предпочли бы никому не приносить присяги.

– Его вассалы?

– Нет, но он считает долгом их защищать. Он вообще защищает, как сам полагает, все человечество. Больно религиозен.

В голосе барона звучала откровенная издевка. При всем почтении к церкви должна присутствовать и обязательная фрonda. О священниках полагается рассказывать скабрёзные истории, считается хорошим тоном отпускать шуточки насчет всемогущества Господа. Кто этого не делает, тот выглядит несколько по-идиотски.

– А что за имя такое? – спросил я. – Почему именно Тамплиер?

Растер и даже Макс оживились, а барон осторожно поинтересовался:

– Его знают и за пределами Армландии?

Я ответил осторожно:

– Просто имя показалось знакомым. Или похожим... Так почему все-таки Тамплиер? Это свое имя или родовое?

Они снова почему-то переглянулись, Альбрехт ответил понимающе:

– Сэр Ричард, вы что-то о нем знаете, не отнекивайтесь. Потому что и насчет имени спросили очень точно.

– А что с именем? – спросил я.

– Древнее заветное на их роде, – пояснил Альбрехт. – По поводу имени.

– Благословение, – поправил Макс почтительно.

Альбрехт поморщился.

– Я бы так не сказал. По-моему, это больше заветное... Не проклетие, конечно, но больше заветное, чем благословение.

Я сказал с нетерпением:

– Простите, любезный барон, но что за тайна связана с его именем?

Он покачал головой.

– Никакой тайны, сэр Ричард.

– А что?

– Закрытие. Хотя сэр Максимилиан и не согласен со мной, но я считаю это все же закрытием, слишком много признаков... ГМ... так вот, в древние-древние времена, если верить легендам, существовал могучий и обширный род Тамплиеров. Его власть была безгранична, мудрость всеобъемлюща, а земли под их рукой процветали. Все противники, рисквавшие бросить им вызов, неизменно повергались в прах. Так длилось веками, но Враг рода человеческого сумел рыцарскую надменность превратить в высокомерие... а вы ведь знаете, какая тонкая грань разделяет эти близкие понятия! И с того времени начались распри в некогда едином роде, что давно превратился в обширный клан, междоусобицы и даже столкновения...

Я слушал, вспоминая обрывки сведений о тамплиерах. Вроде бы у них не было особых распрей, а сумели их задавить завидующие короли, великих магистров сожгли на площади, предъявив обвинения в колдовстве, и на том тамплиеры кончились. Хотя, конечно, так хочется верить, что Чапаев выплыл, Экзюпери не погиб, а рядовые тамплиеры уцелели и восстановили свой орден, только уже тайно.

– ...Из всего великого рода уцелел только один рыцарь, – продолжал звучать холодноватый голос барона, – что остался верен идеалам древнего рыцарства. И никто не может его победить, пока он служит Господу. На склоне лет он передал свою ношу старшему сыну, тот – внуку. Так и передается до сих пор!

Сэр Растер добавил наставительно:

– И еще один момент: отныне этот рыцарь всегда носит имя Тамплиер. Как напоминание о его великом долге.

Глава 6

В ожидании снега дни пошли суровые, серые, без всяких красок. Только черное, серое и белое. Даже люди притихли и слишком цветную одежду отложили до весны. Во двор часто завозят на телегах горы покрытых инеем коровьих туш, свиней, овец, а также великое множество битой и промерзлой птицы. В кузнице полыхает огонь, из трубы вылетают с синим дымом оранжевые и красные искры.

Первый снег, что и не снег, а так, мелкая труха, заполнил только мелкие рытвины в промерзлой земле, что кажется еще чернее и отвратительнее, чем на самом деле.

Рыцари пируют в нижнем зале, у всех есть что рассказать и чем похвастаться, на всю зиму хватит. Я томился и как тень отца Гамлета скитался по замку. Надо чем-то себя занять, а то мысли сами перескакивают на воспоминания о леди Беатрисе, начинаю с нею говорить, что-то доказывать, а что доказывать, если мы и так идеально понимали друг друга? Настолько идеально, что таким... ну никак нельзя быть вместе. И она это понимает так же отчетливо, как и я.

Сегодня сон вообще не идет, хотя вроде бы давно уже ночь. Однако летом в это время солнце только начинает сползать к горизонту, а сейчас вот уже несколько часов как глухая чернота, в небе – звезды. Жарким летом они заманчиво выглядят милыми такими льдинками, но сейчас это

осколки насквозь промерзшей стали: в руки не взять – без пальцев останешься, вообще небо выглядит чужим и враждебным.

Я расстелил карту на столе и рассматривал то так, то эдак, я ж теперь правитель, а это в самом деле что-то новое. Раньше я все старался делать хорошо, но... править? Это посложнее, чем выбить какого-то здоровяка из седла или даже захватить замок!

В ладонях возникла чашка с кофе, я бездумно отхлебывал горячий густой напиток. В дальнее окно видно крохотные домики ближайшей деревни, свет едва пробивается в щели между ставнями, красный и тусклый, сами домики сливаются с тьмой ночи. Собачий лай разносится в морозном воздухе далеко, так же непривычно отчетливо слышно из леса тоскливый волчий вой.

Снег никак не выпадет, но замерзшие лужи сохраняют лед и днем, а это значит, что когда снег выпадет, то пролежит до весны.

Бобик расположился было у моего ложа, мол, так принято, но когда огонь в камине начал догорать, поднялся и с тяжелым вздохом перебрался поближе к каминной решетке. Глаза стали багровыми, но это всего лишь отблеск догорающих углей, а когда опустил веки, то ну просто огромный черный щенок, разве что размерами с теленка. А весом с молодого быка...

От камина то и дело поднимал голову, я все еще за кар-

той, однажды даже не поленился встать, потянулся всласть, но все же обнюхал меня старательно, ничего не обнаружил, я машинально почесал ему за ухом, но Бобик разочарованно вздохнул и отправился обратно. Когда укладывался, в глазах укоризна, это ж я не даю ему выспаться всласть.

– Иду-иду, – ответил я с досадой. – Сейчас...

Вот так повелеваешь тысячами людей, а сам подчиняешься своей собаке. Скажи кому, засмеют.

Тихохонько открылась дверь, вошла, пятясь, молоденькая служанка, босая и с длинной русой косой. Когда повернулась, я увидел, как она прижимает к груди целую охапку березовых чурок. Испуганно охнула, наткнувшись на мой взгляд, быстро-быстро, как пугливая мышь, пробежала к камину и высыпала рядом с Бобиком поленья.

– Простите, ваша милость...

– За что? – буркнул я.

Ее лиловые от холода губы распухли и еле шевелились, а босые ступни тоже стали сизыми. Я смотрел, как она, присев, умело складывает поленья шалашиком. Огонь сразу же охватил сооружение, раздуть не пришлось, тоненькое платье и без того просвечивает, обрисовывая девичью фигурку с тонкой талией и довольно широким задом, а когда с той стороны огонь, то вроде платья и нет вовсе.

Когда огонь разгорелся, Бобик вздохнул еще горестнее, отодвинулся, а потом и вовсе вернулся к своему месту возле ложа. Служанка поднялась и, опустив руки вдоль тела, смот-

рела на меня с тупым ожиданием. На лице появилось покорное выражение, а в теплых коричневых глазах проступило что-то от молодой коровы.

– Спасибо, – сказал я благосклонно. – До утра тепла хватит.

– Стараюсь, ваша милость.

– Молодец.

Она все еще стояла, опустив руки, на лице проступило что-то вроде непонимания.

– Ваша милость...

– Можешь идти, – сказал я милостиво, но с нажимом.

Она поклонилась, быстро отступила к двери, там обернулась, лицо диковатое, в глазах удивление.

– До утра не хватит, – сообщила она. – Все прогорит. Я приду ближе к утру. Надо будет подложить дров.

– Хорошо, – согласился я. – Это ты следила за огнем при прошлом хозяине?

Ее щек чуть коснулся румянец, но это могло быть просто действие теплого воздуха.

– Да, ваша милость...

– Хорошо, – повторил я. – Молодец. Иди.

Она переступила порог, а там, придерживая дверь, сказала торопливо:

– Мы поддерживаем огонь по очереди с Далилой.

– А-а-а, – сказал я. – Кажется, я ее видел. Такая пышная хохотушка?

– Да, ваша милость. Прислать ее?

Я отмахнулся.

– Нет. Пусть спит. Иди.

Дверь за нею захлопнулась, я поморщился, что-то никак не войду в роль феодала, это же нормально – грести всех женщин под себя. Я щас в роли эволюции. В замке все, даже слуги, довольно крепкие, сильные и сравнительно здоровые. В селах же народец хилый, слабый, отягощенный разными болезнями, с хрупким сложением и пугливым характером. Но и у трусливых родителей, бывает, появляется сильный и отважный ребенок, так вот при этой системе его тут же заметят, заберут в замок. Либо на дворцовую службу, либо в воинский отряд.

Да и сам феодал, как я понимаю, всегда тот, кто своей мощью, силой и напором сумел собрать вокруг себя шайку самых отважных и сильных. Да что там феодал, даже короли этой эпохи как раз те ребята, которые сумели сплотить, создать, возглавить. И не умением красиво говорить на митингах, здешние короли не умеют читать и писать, а именно железным кулаком, могучей глоткой и готовностью в любой момент схватиться за меч. Я сам знаю такого отважного и напористого вожака рыцарского отряда, который в королевстве Фоссано вообще ухитрился стать Его Величеством.

Так что даже пресловутое право первой брачной ночи не от нездоровой похоти феодала, как подают в школьных учебниках. В любом стаде потомство стараются заполучить от са-

мого здорового и самого сильного, в этом залог выживаемости вида. Так что в большинстве своем слабые и хилые крестьянки сами счастливы заполучить гарантированно здорового и сильного ребенка от лорда. Стоит только посмотреть на него, огромного и могучего, как сразу представляешь, что твой ребенок будет лупить соседских, а его, такого здоровяка, все будут бояться.

Эти мысли текли сперва как слабый ручеек, затем превратились в реку, где скакали через пороги христианизации, как горные бараны, затем неслись в оглушающем грохоте конского табуна... а потом я сказал себе, что вот так и начинается превращение паладина в простого рыцаря, рыцаря – в мужчину, мужчины – в мужика, мужика – в простолюдина, а того, стыдно сказать, вообще в общечеловека.

Вздохнув, я лег, натянул одеяло на ухо и заставил себя погрузиться в сон.

Санегерийя не пришла, а жаль. Проклятый Хребет как-то экранирует многие виды магии. Вообще-то он виноват и в других грехах, помасштабнее, но этот вот пустячок задевает больше. Потому что личный, такой вот из меня паладин.

Помылся, велел подать завтрак в покои, чем вызвал недоумевающие взгляды. Сеньор должен своим присутствием все время напоминать вассалам, что он – сеньор, что ему не должны забывать кланяться и вообще оказывать надлежащие знаки внимания. А для этого существуют совместные

завтраки, обеды и ужины, а между ними – пиры, чтобы все время ощущать единство, а также чтобы никто не забывал, кто в стае главный.

Барон Альбрехт явился свеженький и подтянутый, очень внимательный, будто и не барон вовсе. Я отодвинул на край стола чашку с темной мутью на дне, барон повел носом и посмотрел на меня с вопросом.

– Магия, – объяснил я небрежно. – Хотите?

Барон покачал головой.

– Сэр Ричард, я не настолько набожен, как... гм... вы должны бы, но все-таки не рискну.

– Почему? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Магия противна Господу. Кто пользуется магией, тому гореть в аду.

– Все создано Господом, – возразил я. – Даже магия.

Он кивнул, глаза оставались серьезными.

– Да, Господь создал хорошее и плохое. А нам дал свободу выбора.

Я взял чашку и швырнул в мусорную корзину.

– Знаете, барон, иногда вы смотрите гораздо дальше меня. Даже в таких вопросах, где я не совсем дурак... Итак, барон, давайте перейдем к карте. У меня ночью, как у всякого гения, появились гениальные мысли. Жаль, что я их все забыл... Даже то забыл, что вчера помнил. Кстати, о чем я хотел с вами поговорить?

– О карте, – напомнил барон терпеливо.

– Ах да. Посмотрим на карту Армландии державными глазами, как отцы народов. Вон эта дорога... это же дорога?

Барон всмотрелся в карту.

– Дорога. Более того, это главная дорога.

– Которая, как я понимаю, идет из северных земель?

Он кивнул.

– Да, сэра Ричард. Вы смотрите в корень. Это главная из дорог, что через несколько королевств тянется к Перевалу. Если кто намеревается перейти Хребет, то ему только по этой дороге. Надеюсь, король Барбаросса не станет чинить препятствий купцам и торговцам. Как видите, дальше дорога вдоль Хребта до Перевала, а затем через герцогство Брабантское к морю...

Я проследил за дорогой, взгляд зацепился за непонятную петлю.

– А это что? Вроде бы место ровное...

Он покачал головой.

– Рядом лес.

– И что?

– Это тот самый лес, – объяснил он. Увидев в моих глазах непонимание, пояснил: – Темный Лес, в котором происходит всегда непонятное и всегда неприятное. Никто проезжающий вблизи не может быть уверен за свою жизнь.

– А охрана?

Он снова покачал головой.

– Бесплезно. Единственное, что спасает, – держаться от этого Леса подальше. Потому и такая петля. Была бы короче, но приходится обойти и болота, а также Огненные утесы...

– А эта дорога, что пересекает ее... погоди, дай сам догадаюсь. Там, если не ошибаюсь, богатые рудники?

Он кивнул.

– Верно, сэра Ричард. Горы богаты медью и оловом, а железа много в окрестных болотах. Есть и в горах, правда. Только придется рыть глубже. Руду везут в Фоссано, там выплавляют железо...

– А почему не на месте?

Он пожал плечами.

– Это уметь надо. Копать проще.

– Ну, – протянул я с неудовольствием, – я не хотел бы превращения Армландии в сырьевой придаток! Надо развивать собственное производство.

– Железо выплавляют тоже в Армландии, – объяснил он. – Просто так сложилось, что дальше к северу проживают умелые ремесленники, что умеют не только выплавлять железо, но и превращать его в хорошую сталь. В основном, эти цеха сосредоточены в той части, что уже не Армландия...

– В Фоссано?

– Да.

Я сказал упрямо:

– Нерационально! Одно дело везти за сотню миль руду, другое – железные слитки. А еще лучше – построить там

же, кроме плавилен, еще и оружейные. Тогда из Армландии можно будет вывозить готовые изделия.

Он промолчал, хотя я видел, мог бы напомнить, что и так вывозим хорошее оружие и доспехи, однако я тоже прав: если организовать производство на месте, где добывается руда, то готовые изделия станут намного дешевле.

– Это будет сделать непросто, – сказал он и посмотрел на меня пытливо. – Вы знаете, почему.

– В смысле, нужно сперва закрепиться на троне?

– Вы угадали.

– Да что угадывать, это ясно... Закрепимся, барон. И, наверное, вот здесь... да-да, где эта петля, нужно что-то построить. Замок или крепость. Во-первых, защита дороги от разбойников из леса. Во-вторых, другой дороги нет, так что...

– ...сами будем собирать налог, – закончил он, – вместо разбойников.

– Но мы будем давать и защиту! – возразил я. – К тому же, если разбойники в эпоху перераспределения капитала захватывают власть, они уже зовутся не разбойниками, а королями, президентами, премьер-министрами... А там нужно переждать короткий период дикого капитализма, и все – мы вполне уважаемые жители цивилизованного мира!

Он зевнул, с намеком в глазах оглянулся на дверь.

– Вы собираетесь почтить своих вассалов совместным завтраком?

– А как же, – ответил я, – вот только шнурки завяжу.

Он поднялся.

– Тогда мы ждем. Сэр Растер вспомнил какую-то веселую историю...

Я проворчал:

– Знаем его истории. Когда он повзрослеет?

– Такие не взрослеют, – возразил Альбрехт. – Еще и гордятся этим. Представляете?

– Слышал, – признался я, – но в голове не укладывается.

– Попробуйте уложить вдоль спинного хребта, – посоветовал Альбрехт. – Там тоже мозг, кстати.

Он удалился, а я, одеваясь к завтраку, одним глазом поглядывал на карту, обращая на этот раз больше внимания на, так сказать, политическое деление. Или административное. В том смысле, что здесь примерно та же норма, что существовала в Европе тех времен. На бумаге ее оформил французский король Филипп Красивый. Тот самый гад, что живьем сжег тамплиеров, никогда ему не прощу.

В той норме сказано, что земля может считаться королевством, если в ней не менее четырех герцогств или шестнадцати графств, герцогство – не менее четырех графств, маркизат – пять-шесть бароний, и чтоб не менее десяти дворян в каждой, графство – четыре баронии, виконтство – две-три баронии, а сама барония – по меньшей мере шесть дворянских земель, каждая из которых принадлежит одному рыца-

рю.

Что такое рыцарь, понятно: владелец лена, способный на свои средства сформировать небольшой отряд. Собственно, в этом отряде рыцарь только он, зато весь в железе, под ним тяжелый боевой конь, тоже в доспехах и кольчуге, а при рыцаре группа поддержки в виде оруженосца и одетых полегче, но все равно хорошо вооруженных конных слуг.

В Армландии, как показывает карта, четырнадцать графств, два герцогства. На королевство, увы, по этим параметрам не тянет, зато по маркизатам и барониям превосходит почти втрое. Что говорит о феодальной раздробленности, как учат в школе. В сильных королевствах идет укрупнение, а где центральная власть слаба – там все дробится и дробится. К счастью, земля здесь велика и обильна, а порядок в ней наведу, наведу. Я не демократ и не демофил, это на Тверской почему-то нельзя вешать на столбах всяких, хоть и руки чешутся, а здесь еще как можно, нужно и полезно для здорового образа жизни всего общества!

Бобик поднялся, огромный и сонный, подошел, широко зевая, положил морду на колени в безмолвном вопросе: а ты меня любишь?

– Люблю-люблю, – заверил я. – Как тебя не любить, чудище мое нелепое?

Он помахал хвостом, требуя подтверждения. Я почесал ему за ушами, холку, спину, а когда он намеревался брякнуться на спину и подставить подобно огромному кабану пу-

зо, я сказал с укором:

– Что-то наглеешь не по дням, а по часам! Не стыдно?

Он вздохнул и всем своим видом сказал, что вот ничуть не стыдно. Это мне должно быть стыдно, у меня ж обезьяньи руки, мог бы чесать его день и ночь, но увиливаю, а это нехорошо, настоящие сюзерены так не поступают, они заботятся о своих подданных, тем более – о друзьях и соратниках!

Но я держался непреклонно, он еще раз вздохнул и потащился к двери, вид обиженный, мол, пока не позовешь, не подойду, ну позови же, ну позови, почему так долго не зовешь?

– Иди-иди, – сказал я. – Гуляй, а то пролежни будут. Только кухню не разори... Я знаю, где ты гуляешь!

Он виновато прижал уши и поспешно выскользнул за порог. Я закрыл за ним дверь и, сняв с крюка на стене пояс, приготовился привычно застегнуть его вокруг талии. Пальцы в который раз сомкнули и снова разомкнули пояс, пряжка с легким щелчком замкнулась и разомкнулась, послушная и покорная, но я чувствовал, что эта зараза что-то таит от нуба.

Снова защелкнул, блестящие пазы из незнакомого металла входят настолько легко, словно посмеиваются: а ну-ка догадайся, для чего мы предназначены на самом деле.

В какой-то момент, в сотый раз нажимая на все уголки и выступы барельефа, я ощутил, как нечто подалось под пальцами. Неуловимо быстро массивная пряжка из квадратной

стала шестиугольной. Вместо массивной бычьей головы сейчас на барельефе изображены три дивные башни, высокие и тонкие. Между ними отчетливо виден пролетающий дракон. Я напрягся, всматриваясь в летящую рептилию, изображение придвинулось, я рассмотрел горящие злобой глаза, костяные выступы над глазами, расширенные ноздри...

Сердце стучит, я сосредоточился и, ограничив мир крохотным клочком, приблизил изображение драконьей морды. Глаза желтые, зрачок вертикальный, отчетливо вижу мелкие кровяные сосудики глазного яблока...

Я отшатнулся, мысль жутковатая, но объясняющая такое невероятное искусство ювелира: дракон... живой! А если и не живой, то заморожен, скажем так, в живом виде. Дракон, уменьшенный до размеров небольшой стрекозы. Именно уменьшенный, в действительности таких крохотных пресмыкающихся просто не может быть по законам биологии...

Глава 7

Внезапно я ощутил, что в комнате уже не один. Резко повернулся, хватаясь за рукоять меча. Через плотно запертую дверь вошел и остановился, вопросительно глядя на меня, мужчина среднего роста, подчеркнута скромно и неприметно одет, с острым, как топор, лицом и очень живыми черными глазами.

Он сдержанно улыбнулся, глядя на меня, как на старого друга. Я расслабил мышцы, рука сделала широкий жест, указывая в сторону стола.

– Прошу вас, сэра Люцифер.

Он поморщился.

– Я давно отказался от этого имени.

Я удивился:

– А почему? Все-таки напоминание, что вы были первым после Творца. И даже Михаил, ныне всемогущий, был ниже. А то уже многие забыли.

Он опустился в кресло по ту сторону стола, лицо потемнело.

– Мне не нужны воспоминания о прошлом блеске. Я предпочитаю работать над будущими победами.

Я указал взглядом на его серый костюм.

– Вы всегда так скромно одеты. Это позиция?

Он поморщился, мне показалось, что вопрос ему неприятен.

тен, но ответ прозвучал спокойный и достойный:

– Я не сторонник роскоши и блеска. Все это суета. Детство. Надо блистать тем, что из себя представляешь, а не...

Понятно, подумал я. Ангелы и архангелы все так же блистают в золотом огне, как некогда блистал ты, потому сейчас, чтобы не проигрывать так уж явно, нарочито выглядишь вот так. Мол, это позиция, а не какое-то нищенство. Все правильно, я бы поступил точно так же.

– Вина? – спросил я. – Гулящих девок?

Он сдержанно улыбнулся, показывая, что оценил мой юмор.

– Это удовольствия, – согласился он, – довольно значимые, но... для низшего уровня.

– Все там бываем, – напомнил я.

– Все, – подтвердил он. – Нельзя все время жить высокими радостями государей. Поестъ всласть, выпить хорошего вина, потешить плоть – это свойственно и властелинам мира. Но, кроме того, есть и другие радости, не так ли?

– Пока не вижу, – пробормотал я. – Чаю, кофе?.. Извините, марципанами угостить пока не могу...

Я сосредоточился, сотворил две простые глиняные чашки, другие не умею, наполнил их ароматным горячим кофе. Сатана с удовольствием поймал ноздрями и втянул пахучую струю.

– Великолепно... И вы хотите из такого мира вернуться в свой? Там такое вам будет недоступно, не так ли?

Он осторожно отхлебывал кофе, его черные и блестящие, как антрацит, глаза весело поблескивали. Я пожал плечами.

– А зачем мне такие сложности?.. Любой кофе у нас в изобилии. И любые продукты. И вообще всего в изобилии. Напротив, приходится отбиваться! А то со всех сторон стараются что-то впарить.

Он смотрел с интересом, затем улыбка стала шире.

– Тогда, мне кажется, – произнес он с расстановкой, словно предваряя выход на сцену клоуна с коронным номером, – я смогу обрадовать.

Я посмотрел с подозрением.

– В самом деле?

Он улыбнулся шире.

– Не смотрите на меня, как на врага. Это выдает в вас человека... низшей формации. Вернее, можно такое предположить, хотя я прекрасно понимаю, что это далеко не так. Однако только дикари видят в каждом встречном врага, а вот культурные люди зрят прежде всего возможного собеседника.

– Да возлюби врага своего, – пробормотал я, – как самого себя... Это не вы сказали, так ведь? Или в бою надо пользоваться любым оружием? Честно говоря, не представляю, что можете такое уж радостное предложить. Разве что кресло гроссграфа?

Он хитро прищурился:

– А оно для вас радостное?

Я помотал головой.

– Догадаться нетрудно.

– Я тоже так подумал, – ответил он уже серьезнее. – Это только со стороны одни преимущества, а когда оказываешься во власти, тут и зришь, что от малых неприятностей пришел к большим. Даже к бедам.

– Согласен, – ответил я чутьочку нервно. – К тому же, я не люблю быть... отвечающим. Можно и не отвечать, я могу быть и хамлом, но так еще хуже. Когда-то был лидером клана в одном королевстве, сперва гордился, дурак, из реала деньги вбрасывал, чтобы у всех доспехи, абилки и оружие, но никто и спасибо не сказал, а только дай, дай, дай! И еще подозрение, что я из кланового сундука что-то приворовываю. И постоянные склоки, споры... Но все равно угораздило обзавестись замками, титулами, землями, людьми, о которых теперь обязан заботиться...

Он кивал, слушал, снова кивал, наконец, обворожительная улыбка проступила на его интеллигентном лице.

– Вот и хорошо, – сказал он с облегчением. – Вам в это трудно поверить, но я в самом деле люблю помогать. При более высоких формациях общества, как я уже говорил, больше взаимопомощи, чем в дикарских, где в каждом встречном видят врага.

Я спросил:

– И в чем эта ваша помощь?

Он посмотрел на меня удивленно, засмеялся весело и за-

разительно:

– Почему с таким недоверием? Мне удалось договориться с... Той Стороной, чтобы выполнить ваше самое сильное желание. Ну, вы понимаете, о чем я.

Сердце мое внезапно резко застучало. К лицу прихлынула горячая кровь, я спросил, чуточку задыхаясь:

– Речь о том, как я попал сюда?

Он кивнул, глаза стали серьезными, он внимательно наблюдал за мной.

– Да.

– И о том...

Горло мое сдавило, я поперхнулся.

Он сказал благожелательно:

– И о том, чтобы вернуть вас в ваш мир.

Я замер, потом спросил медленно, стараясь держать себя в руках:

– Как? Когда?

Он ответил, продолжая наблюдать за мной:

– С Той Стороной, как я уже говорил, достигнута договоренность. Вопреки общему мнению, с ними вообще легко договариваться. Обычно они никогда не возражают, хотя в данном случае были некоторые сложности!.. А перенести вас обратно можно в любой момент. Хоть сейчас.

Сердце мое остановилось, я едва не вскрикнул, что да, перенеси поскорее в тот уютный теплый мир, где я ни за что не отвечаю, где так защищено, где все дураки, а я один умный,

и даже знаю, как опустить доллар и поднять ВВП...

Он спросил, видя, как я окаменел:

– Так что же?

Я пробормотал:

– Слишком неожиданно...

Он удивился:

– Это понятно, но все-таки?

– Да согласен я, согласен, – вырвалось у меня. – Просто как-то врасплох...

– Раньше вы были готовы без колебаний, – напомнил он, – едва удалось бы.

– И сейчас готов, – признался я, – и тоже без колебаний!

Но если исчезну вот так, сразу, в замке начнется... ну, не знаю, паника не паника, но замешательство будет нехилое. А враг силен, может опрокинуть все мое нестройное войско! Я их сюда привел, а тут вдруг брошу? Нет, надо бы сперва подготовить, защитить... Эх, сам не знаю, что бормочу!

Он смотрел с неодобрением.

– То есть вы хотите сперва выиграть какое-то сражение?

Я поднялся, не в силах сидеть и ничего не делать, быстро ходил взад-вперед по комнате, отшвырнул угодливо забжавшее вперед и растопырившееся кресло. Сатана с интересом следил за мной глубоко запавшими умными глазами.

– Да, – ответил я резко, – да! Только еще не знаю, как это сделать! Если вот сейчас исчезну, то получится, что привел их на бойню. Не хвастаясь скажу, что от меня тоже кое-что

зависит.

Он поморщился.

– Раньше вам было бы наплевать, что случится с этим... этими. Они же вам не ровня, кого вам здесь жалеть? Даже ровню не очень-то жалеют... Впрочем, дело ваше, хотя такое поведение выглядит странным. Недостаточно, как мне, уж простите, показалось, просчитанным.

Он умолк, взглядом показывая, что смягчил свои слова из деликатности. На самом деле мое решение не просто недостаточно просчитанное, а вообще непросчитанное. Немотивированное. И даже дурацкое. Просчитанность идет от ума, а во мне заговорила вообще какая-то динозавровость.

– Чуть позже, – ответил я просительно. – Хорошо? Чуть-чуть! Я сам не рад, что взял на свои плечи эту обузу, но раз уж взял... или не смог увильнуть, неважно, надо либо дотащить до места, либо переложить на чьи-то плечи, но не сбрасывать кому-то на ноги.

Он поднялся, в глазах чернота, а лицо – сплошная холодная любезность.

– Хорошо. Я появлюсь сразу же, как только... Недели вам хватит?

– Надеюсь!

– Тогда до встречи.

– Спасибо, – сказал я искренне.

Он исчез, а я, замерев как соляной столб, прокручивал в сознании все сказанное и все отвеченное, наконец снова

рухнул в кресло. Сердце колотится, в черепе миллионы гудящих, как злые пчелы, мыслей. Я сдавил голову ладонями, так мыслится лучше, не сбегут. В Армландии меня ожидают битвы иного рода, когда не мечами и топорами, а устроенностью против неустроенности, порядком против хаоса после войны и передела власти, распределения полномочий, когда сюзерен не сует нос в мелочи, но зато вассалы отвечают за свое губернаторство...

Но как это сделать быстро, чтобы кому-то передать это вот все и чтобы переданное не рухнуло в кровавом хаосе?

В зале меня встретили дружным хохотом. Я не понял, в чем прикол, наконец, сэр Растер прокричал сквозь смех:

– Сэр Ричард, вы обещали к завтраку, а уже подали обед!

– Но из-за стола не поднимались? – уточнил я.

– А зачем?

– Тогда это завтрак, – возразил я под смешки, – переходящий в обед. Только и всего. Так что я не опоздал.

Альбрехт сказал с улыбкой:

– Нет, сэр Ричард, это правило важно только, если вы пригласили на ужин хорошенькую леди. Тогда очень важно, чтобы ужин плавно перешел в завтрак...

Все заржали, я тоже растягивал рот в улыбке и показывал зубы, мол, весело, как клево, надо чаще встречаться, конечно – за столом, и вообще жизнь хороша.

– Вы правы, – согласился я. – Вообще устроить пир и выстроить боевую линию для рыцарской атаки – задачи сход-

ные. Первый должен быть как можно приятнее в глазах дорогих друзей, вторая – как можно страшнее в глазах врагов.

Смех умолк, я видел раскрытые рты и вытаращенные глаза, первым хмыкнул и мотнул головой Альбрехт, потом улыбнулся Макс. Митчел довольно грохнул кулаком по столу, а сэр Растер гроыхнул, как будто рухнул на пол во всех доспехах:

– Ну, сэр Ричард, вы все мечтаете о крови, боевых подвигах и криках умирающих трупов противника!.. Я счастлив, что встретил вас и первым встал под ваше победное знамя.

Все заорали и поднялись с уже наполненными кубками, в глазах жажда побед и завоеваний. Под моим победным баннером. Знали бы...

Кажется, я влип, всплыла горькая мысль, когда я тяжело поднялся в свои покои. Или, как говорят, попал. И с этим нелепым грессграфством, и с рыцарями, Барбароссой, и даже с леди Беатрисой. С моей философией современного и продвинутого человека, когда государство мне все должно дать, предоставить и обеспечить, а я никому и ничего не обязан, – дико и нелепо оказаться в мире, где от меня требуется так много.

Я инстинктивно стремился на Юг еще и потому, что это оправдывает мое нежелание заниматься приобретениями: хоть земельными, хоть имущественными – в виде зачарованных мечей, назначение которых нужно сперва разгадать. Я

привык если что и получать, то с подробнейшим мануалом и гарантией хотя бы на двенадцать месяцев.

А сейчас на мне столько всего, и я прекрасно понимаю, что если исчезну, тут хрен знает что начнется. Так что надо бы сперва все устроить, всех пристроить, а потом с облегчением прыгнуть в свой благополучный и защищенный мир.

– И побыстрее, – сказал я вслух.

В камине догорают поленья, неслышно вошла уже другая служанка с вязанкой дров и, осторожно ступая босыми ногами по холодному полу, обошла Бобика, что спит прямо на том месте, где она складывает поленья. Бобик приоткрыл один глаз, недовольно хрюкнул и засопел снова.

Я смотрел, как девушка подкладывает дрова в камин. Эта строит «колодец», только так и отличаю одну от другой, настоящий феодал, рывком поднялся, сердце бьется учащенно, требует немедленно что-то делать.

Служаночка оглянулась, детское округлое личико, невинно распахнутые голубые глаза и приоткрытый в испуге пухлый ротик. В низком вырезе платья, конечно же, блистают нежной кожей сиськи, как же без них, она в мужском мире, а мужчинам надо постоянно показывать то сиськи, то попку, иначе потеряют интерес, а это недопустимое снижение статуса.

– Ваша милость, – пролепетала она.

– Что?

Она почти прошептала:

– Вам... что-то нужно?

– Не с утра, – отрубил я, подумал, что поймет как повеление явиться вечером, отмахнулся. – Иди, твой лорд будет о великом думать.

– Думать?

– Даже мыслить, если получится.

Огонь уже разгорелся, и девчушка поспешно исчезла, но в дверях украдкой оглянулась: смотрит ли лорд, как тонкая ткань ее платья смачно обрисовывает ее сочные ягодицы. Я в самом деле смотрел, но не на ягодицы, а просто в ту сторону, не видя ни служанки, ни двери, ни стен дворца.

Зато видел хитро улыбающиеся глаза Сатаны.

У открытого окна щеки охватило холодом, снег все-таки выпал, напоминая, что зима. Деревья укрыты как толстым слоем ваты, за близким горизонтом холодно и бледно алеет край неба и часть небосвода. Маленькое озябшее солнце медленно и с трудом проплывает по ту сторону туч, поднимается по обледеневшему небосводу, а когда удастся проглянуть в щель, золотые лучи сразу же воспламеняют снег, блистают мириадами золотых искр.

В чистом морозном воздухе отчетливо различимы домики ближайшей деревушки. В полном безветрии клубы дыма из труб поднимаются прямо к небу, похожие на толстые веревки, на которые навязали множество узлов. Стерильно белые, на фоне ослепительно синего неба выделяются отчетливо, уходят и уходят ввысь, постепенно истончаясь, так что

все домики кажутся забавными игрушками, спущенными на веревочках с неба.

Крестьяне уже прорубают на озере полыньи, лед толстый, искрящиеся льдины с трудом выволакивают баграми. На солнце сколы блестят, как драгоценные камни, постоянно меняясь в цвете: синий, зеленый, даже ярко-оранжевый, словно горящее золото. Рыбаки тут же подхватывают и тащат из воды огромных рыб. Дуры стремились к проруби, чтобы посмотреть на небо...

Я закашлялся от резкого морозного воздуха, вот и прелести жизни в этом времени: холод из окон и сухой жар от огромного камина, где постоянно горят целые поленицы березовых чурок.

Внезапно яркая вспышка осветила комнату, выжгла все тени, комната преобразилась в белом плазменном свете, я отчетливо видел даже самые мелкие трещинки в камне и все заусеницы в дереве.

Тертуллиан медленно превращался из плазменного шара в человеческую фигуру. От него пахло мощью звездных энергий, укрошенных и подвластных.

Я с трудом перевел дыхание:

– Ты так меня заикой сделаешь!

– Тебя? – прогудел могучий голос. – Тем и отличаешься от всех, что не падаешь ниц и не бьешь поклоны! Даже не дрогнул.

– А ты мечтал напугать?

– Зачем? – поинтересовался он. – Было бы нужно... Ну, что решаешь, доблестный сэръ Ричард, надежда угнетенных?

Я фыркнул:

– Это я? Не смейся. Никогда я не брался защищать угнетенных. А встречу Робин Гуда – повешу без всяких судебных разбирательств.

– Ладно, это я сам неудачно восшутил. Я узнал, что у тебя был разговор с Князем Лжи.

Я поморщился:

– Мог бы соврать, что просто пришел меня навестить? А там бы за разговором и выведал бы все! Я такой, сразу проболтаюсь.

– Врать нехорошо, – сообщил он, но, как я заметил, без особой убежденности. – Грех.

– Это не вранье, а комплимент.

– Ты ж мужчина!

– Мужчины легче ловятся на комплименты, – сообщил я, – чем женщины. Да, разговор был. Хочешь сказать, обманывает?

Огненная фигура, медленно ступая, прошла по комнате, словно проверяя работу плазменных суставов. Когда Тертуллиан повернулся ко мне, сердце мое дрогнуло при виде бешеного огня на месте лица.

– Нет, – гулко ответил он. – Не обманывает.

– Точно?

– Да.

– Потому что не один, – уточнил я. – Обе стороны согласились, что меня нужно убрать?

Он покачал головой, по ярко освещенным стенам пробежал ослепляющий свет.

– Не убрать, – уточнил он. – А позволить тебе вернуться.

Я перевел дыхание.

– Вот так и начнешь снова верить в доброту и милосердие... Гм... нечеловеческое.

– Ты должен всегда верить, – ответил он наставительно. – Все-таки ты родился христианином.

Я буркнул:

– Христианами становятся, а не рождаются... как сказал один великий философ. Не припомню его имени...

Тертуллиан отмахнулся:

– Да кто его теперь помнит. Так что ты решил?

Я сказал задумчиво:

– И еще он сказал, щас процитирую, у меня теперь с памятью все в порядке: «Душа, сколько я знаю, не христианка: ведь душа обыкновенно становится христианкой, а не рождается ею». Смелая и оригинальная мысль! Довольно еретическая, кстати, зато открывающая перспективы... Гм, так как же его звали?

Он сказал с неудовольствием:

– Да какая тебе разница?

– Да просто интересно. Какая-то смешная фамилия...

Он сказал раздраженно:

– Ничего в ней смешного! И хватит прикидываться, будто не знаешь автора. Я это сказал, я! Ну и что?

– А то, – ответил я с удовлетворением, – что в Армландии людские души далеки от христианства. А это значит, что будут множиться адвокаты, договора, а слово чести исчезнет. Я тоже тут посоветовался с Господом, и мы решили...

Тертуллиан прервал строго:

– С Господом? А ты хоть одну молитву знаешь?

Я ответил ехидно:

– А кто сказал: «Кто есть истинный Бог, Тот все свое одинаково дает как почитателям, так и непочитателям?» Я благодарен Богу за то, что он не создал меня человеком набожным. Потому я смог объяснить ему ясно и просто, без всяких молитв и поклонов, чего хочу. И получил такой же ясный и четкий ответ... в своей душе, конечно, иначе Господь ни с кем не говорит, что я должен делать, что делаю, а слава меня найдет и даст пряников. А потом догонит и еще даст.

Он слушал, насупившись, не нравится такое фамильярничание с Творцом, но, думаю, Богу с его высоты одинаково смешны и мелки как бравада атеистов, так и церковные песнопения. Сам Тертуллиан атеист и вольнодумец, как и остальные отцы церкви, но к другим атеистам относится с понятным подозрением. Мол, мне можно, я свой, а остальные – кто их знает, морды косоротые.

– И что ты решил?

– Оставлю обширный план, – сказал я, – что и как делать.

Рекомендую построить монастырь, при нем открыть школу, университет...

Он слушал, накупившись, а я, увлекшись, разворачивал грандиозную панораму переустройства и технического перевооружения Армландии, экономического взлета, ошелмляющего роста ВВП, почти поголовной грамотности, постройки парового двигателя, что будет и воду качать, и шахтерам помогать, а потом и по железнодорожным рельсам потащит тяжелые составы с природными ископаемыми и доблестными войсками Христа...

Когда я не то чтобы устал или захлебнулся слюной, но умолк на мгновение, он хмыкнул и спросил хмуро:

– Ты в самом деле веришь, что это осуществимо?

– Голову даю на отрез!

– А как отрезать, – возразил он резонно, – если уйдешь в другой мир? Но я спрашивал о другом. Ты уверен, что кто-то, кроме тебя, все это даже поймет, а не то что воплотит?

Я прикусил язык. Сверкающий огонь на какое-то время померк, словно тяжелые мрачные мысли вошли в огненный мир пламенной души. Я перевел дыхание и буркнул расстроено:

– А как иначе?

Он ответил сухо:

– Ты знаешь как.

– Не пойдет, – отрезал я твердо. – Я хочу в свой мир.

– Знаю, – ответил он. – Господь всем дал свободу воли. И

даже таким, как ты. Не понимаю, правда, зачем. Ты же сам не знаешь, чего хочешь.

– Знаю, – возразил я.

– Чего?

– Лежать на диване, – ответил я зло. – Ни хрена не делать. Ни за что не отвечать. С добродетельными женщинами не связываться, а только с теми, что попроще... Правда, они все это учили, так что теперь они все проще некуда. Никаких друзей, а только приятели и собутыльники. Жить легко, никаких обязанностей, а значит – стрессов! Нервные клетки не восстанавливаются. Я и так хорош, принимайте меня таким, какой я есть. У нас даже содомия разрешена... чтоб не конфликтовать и беречь нервы.

На его огненном лице, где нет выразительных черточек, проступило сильнейшее отвращение. На какой-то миг его перекосило так, что я испугался, вдруг взорвется, но, к счастью, у Тертуллиана была бурная молодость и загулы в знаменитых римских оргиях, удержал кипящую плазму под контролем, она медленно и трудно собралась в прежние очертания человеческой фигуры.

– Ричард, – прорычал он, – ты... нет, я не стану тебя удерживать. Ты в самом деле пришел из такого сладко-омерзительного мира, что просто удивительно, как долго сумел продержаться в благородстве и чистоте души! Для тебя это было потруднее, чем аскету простоять тысячу лет на столбе!

– Да уж, – согласился я, – не спорю.

Глава 8

В покоях после его исчезновения стало мрачно, я прошелся вдоль стен и добавил масла в светильники. Слабый оранжевый свет с трудом разгонял тьму и сумрак. Из нижнего зала доносится привычный довольный рев двух десятков мужских голосов, на мой этаж поднимаются одуряющие запахи жареного мяса и пахучих листьев, в которых готовят ягнят и целых баранов. Я смутно подивился, как это могут вот так целую зиму. Потом вспомнил, что некоторые ухитряются всю жизнь на диване, не выпуская телевизионного пульта, и все нормально, все по-мужски.

Пока еще продолжался обед, плавно переходящий в ужин, я спустился в зал, пообщался, вскользь обронил, что изволю малость освежиться морозным воздухом, взглянуть на земли в снегу. Может быть, успею погонять какую-нибудь зверюшку. Растер обрадованно заорал, что давно пора, он пойдет со мной. Митчел и другие рыцари поддержали идею довольным ревом. Даже Альбрехт кивнул, что да, охота – хорошее дело, но взгляд темных глаз был вопрошающим.

– Обязательно, – заверил я. – Обязательно поохотимся!.. Заодно проверим, вмерзли в лед болотные чудища или все еще барахтаются?.. Но не в этот раз.

Растер спросил озадаченно:

– Это как?

– В другой раз, – объяснил я. – Сперва съезжу на разведку.

Макс спросил удивленно:

– Зимой?

– Как-то получилось, – объяснил я, – что зимой еще не охотился. Столько дел, столько дел...

В глазах Растера сперва я читал недоумение, как это дожить до таких лет – и без охоты, пусть даже зимой, потом враз на лице отразилось глубокое уважение. Ага, это значит, я так воевал, так воевал и еще раз воевал даже зимой, что было не до охоты.

Барон Альбрехт сказал громко:

– У сэра Ричарда конь пройдет по любому снегу, а мы завяжем. Лучше пусть сэр Ричард сперва осмотрит... охотничьи места, а мы с ним потом на готовенькое!

На него гневно зашикали, как это сюзерен будет, как простой загонщик, искать хорошие места для охоты своей свиты, но Альбрехт невозмутимо молчал, а я вскинул руки.

– Тихо, тихо!.. Барон Альбрехт прав. Мой конь пройдет везде, а для охоты подберу место посвободнее от снега...

Растер пошел за мной в кладовую, где вытарачил глаза, когда я перебирал одежду и большую часть отверг, оделся тепло, но особенно тщательно перетряхнул плащи, отдавая предпочтение самым длинным. Он так и не понял, по какому принципу я выбрал темный плащ из медвежьих шкур: тяжелый, с длинным ворсом, мрачного цвета, настоящая шуба, даже шубища, в котором не то что охотиться, поворачивать-

ся тяжело.

– Сэр Ричард, – сказал он вдогонку, – какого зверя надеетесь отыскать в такое время?

– Крупного, – заверил я.

– Медведи спят, – сообщил он, – это на случай, если вы не знали.

– Правда? – удивился я. – Ну, что-нить найду... может быть.

Он вздохнул:

– Да, найдете. Или вас найдут.

Середина двора от снега очищена до самых каменных плит, зато под стенами целые горы. Впрочем, для Зайчика любой снег не помеха.

Он вышел из конюшни шагом, я послал к воротам рысью, снег вскипает по обе стороны, как белоснежное молоко. Воздух холодный, но ветра нет, небо ясное. Когда замок отдался, я поплотнее закутался в плащ, нахлобучив капюшон и подобрал ноги.

– Теперь быстро!.. – сказал я почему-то шепотом. – В Фосано.

Зайчик тут же сделал первый мощный прыжок. Я поспешно припал к его шее и зарылся в гриву. Встречный ревущий ветер дергал и злобно выл над головой всю дорогу. Четверть часа прошли терпимо, затем лютый холод начал пробиваться и через толстый плащ. Я рискнул чуть приподнять голову и взглянуть на стремительно летящий навстречу мир, но в

глаза нещадно блистал ослепляющий на солнце снег.

Ровное снежное поле на месте непроходимых болот, в двух местах ветер сдул снег, обнажив желто-серый лед с вмерзшими в него хрупкими, как тонкие льдинки, стеблями болотных трав. Мне даже почудилось вмерзшее в толщу льда огромное чудовище, но при скорости Зайчика не разглядеть: даже стука копыт не слышно, только нечто вроде шелеста...

Мир пуст, за все время не встретил ни человека, ни зверя: глубокий снег одних запирает в домах, других в норах. Дорога вела через пустынное вечернее поле, впереди тусклый закат, по сторонам низкие голые холмы, снег сдуло в низины. Солнце уже село, закат не столько горит, сколько догорает.

– Ого, – сказал я с тревогой, – Зайчушенька, давай прямо к воротам Вексена!

Он рванулся, я сам едва не пропустил момент, когда на горизонте показались покрытые инеем красные в лучах заката каменные стены. Остановив Зайчика, с трудом пошевелился. Раздался сухой треск, посыпались хрустальные льдинки настывшего слоя льда.

Зайчик отряхивался, как пес, выбравшийся на берег из озера. Ледышки и комья снега разлетелись, как брызги воды, но я пощупал его бок и ощутил горячее от долгого бега тело, похожее на жарко натопленную деревенскую печь.

Городская стена еще краснеет, но уже поднялась над нею молодая луна, бледная и болезненная, словно озябшая, ее безжизненный свет быстро вытесняет последние краски дня.

Я перевел дыхание и сказал с облегчением:

– А теперь галопом... но не слишком, к воротам!

Подо мной дернулось, как ускользящая из-под ног платформа, но я в рыцарском седле как влитой, подпирает и поясницу. Ворота стремительно приблизились, вблизи Зайчик в самом деле сбавил бег до среднеконского, стражи вытаращили глаза.

– Привет, ребята!.. – сказал я и помахал рукой. – Успел я до большого снега? Бог меня любит...

Перед воротами дворца Барбароссы расхаживают взад-вперед, согреваясь, крупные мужчины, похожие больше на купцов, чем на стражников: теплая одежда на теле, сверху – доспехи, а поверх доспехов еще и плащи, укрывая железо от забивающегося во все щели и сочленения снега.

– Привет, – сказал я им, – ветреная погодка?

На меня смотрели настороженно, острия длинных копий направлены в мою сторону: самое надежное оружие против всадника.

Один после короткого замешательства изумленно вскрикнул:

– Да это сэръ Ричард!

– Молодец, – сказал я поощрительно и метнул ему серебряную монету. – Героев надо знать в лицо!

Он ловко поймал монету, лицо расплылось в улыбке. Из караулки вышел рыцарь, лицо красное от студеного ветра, благородные не прячутся от непогоды, как простой люд, гор-

дость не позволяет, посмотрел на меня остро.

– Сэр Ричард? – спросил он с сомнением.

Я бросил ему поводья в лицо.

– Позаботьтесь о моей лошадке.

Он инстинктивно поймал, я легко спрыгнул, успев заметить, как искривилось его лицо сперва в злости, затем приняло выражение почтения и понимания ситуации. Явился лорд, имеет право даже высокородного рыцаря заставить позаботиться о его боевом коне. Это не крестьянская лошадь, нет ничего постыдного услужить высокочтимому лорду.

Я взбежал по обледелым ступенькам. Стражи, видевшие инцидент с караульным офицером, почтительно распахнули передо мной дверь. Я оглянулся, указал на блестящие под луной мраморные ступеньки.

– Если лень сколоть лед, хоть песочком посыпьте!

– Будет сделано, ваша светлость, – ответил один из стражей.

Я бодро взбежал по покрытым льдом ступенькам, двери передо мной угодливо распахнули. В прихожей я с наслаждением сбросил в руки лакеям тяжеленную и покрытую снегом и сосульками шубу. Из дальнего зала доносится музыка, я вытер платком мокрое лицо, старшие слуги, почтительно кланяясь, повели меня в нагретый воздух, в аромат человеческого тепла, женских тел, а сбоку коварно коснулась ноздрей струя запахов жареного мяса, печеной рыбы, горячей каши...

Пока я изгонял холод из тела за столом, отогревая ладони о серебряный кубок с горячим грогом... или чем-то вроде глинтвейна, весть о моем прибытии торопливо катилась по дворцу. В дверях то и дело показывались морды, но исчезали, едва я поднимал на них тяжелый взгляд.

По пищеводу процарапался вниз горячий ком, я удержался, чтобы не закашляться, грозно проревел:

– И долго буду ждать аудиенции?

Один из придворных, что следил за мной, как за опасным животным, сказал торопливо:

– К Его Величеству уже отправились с докладом...

– Вот и хорошо, – сказал я и вылез из-за стола.

Придворный вскрикнул:

– Нужно подождать, что ответят!

– Зачем? – удивился я. – Главное, что сообщат.

В большом зале, где толпятся придворные, сбиваются в кучки и плетут интриги, на меня сразу обратили внимание. В другое время я бы скромненько подождал, но сейчас, когда вот так смотрят, надо держать марку. Я прошел, громко топая, к дверям внутреннего зала, стражи тут же скрестили перед моим лицом богато украшенные копья.

– Хамите, ребята, – сказал я негромко. – Неужто не велено встречать меня дудением на трубах?

Стражи молчали, только переглянулись чуть, зато тут же подошел осанистый придворный с удивительно толстой мордой, щеками на плечах и целой серией подбородков на груди.

Оглядел меня с неудовольствием, я выше почти на голову, осведомился:

– Что угодно, сэр?

– Угодно повидать Его Величество, – ответил я мирно. – Что-то у короля неладно с кадрами. Все время новые... гм, лица. Это я ваше назвал лицом, оцените мою куртуазность!

Он поморщился сильнее:

– Его Величество очень занят.

– Ну и что? – спросил я нагло.

– Это значит, что оне заняты! – повторил он злее.

– Дык я ж пришел!

Он прорычал:

– Я не знаю, почему вас вообще допустили во дворец...

Я сказал строго:

– Прибыл пфальцграф Армландии, сэр. Извольте следить за своей речью с превеликой осторожностью! Я бываю весьма свиреп и необуздан в пфальцграфьем гневе... Сперва вещаю, потом задаю анкетные вопросы.

Он чуть струхнул, отступил на шаг и ответил, бледнея:

– Здесь дворец короля! И каким бы вы ни были пфальцграфом... о чем я слышу впервые...

Я сказал еще строже, уже зловещим голосом:

– А велю-ка я тебя, нелюбезный, вздернуть прямо здесь в зале?.. Для примера другим. Чтоб знали.

Толпа вельмож и придворных вокруг нас собиралась все теснее, глазают жадно. Щекастый злобно зыркал по сторо-

нам, с ним стараются не встречаться взглядами, не простит свидетелям позора, но и не хотят упускать зрелища.

Вдруг раздался почтительный голос:

– Это же сам сэр Ричард!

В толпе началось шевеление, я уловил заинтересованно-испуганные взгляды, что значит, становлюсь известным. Щекастый тут же отступил, на лице сменилась целая гамма чувств, наконец, проговорил сладким, как дешевая патока, голосом:

– Как же, как же, наслышаны... Но что случилось, почему без приглашения... где свита? Достойные сеньоры не передвигаются без соответствующей свиты!

– Много ты знаешь о достойных, – ответил я равнодушно и, помня, что я в грубом и суровом веке, добавил буднично: – Говнюк.

Не обращая внимания на его слабые протесты, я пошел на стражей. Те колебались недолго, отскочили в стороны. Я пнул ногой дверь, в голове мелькнуло опасно-восхищенное: да, я крут, ногой к самому королю, это же надо, так и зарваться недолго.

В небольшом уютном зале хорошая старинная мебель, двое склонились над столом, один пишет, другой негромко диктует. За их спинами дверь с эмблемой золотой короны, что значит покои короля. Оба подняли головы, я узнал сэра Уильяма Маршалла и его помощника.

Маршалл спросил быстро:

– Сэр Ричард? Это вы или ваше привидение?.. Что стряслось?

Я поморщился.

– Почему стряслось?

– Но ваше неожиданное появление...

– Господи, – сказал я с тоской, – ну что тут такого? Неужели я, в самом деле, обязан за собой таскать кучу народу, чтобы все играли мой статус?

Он покачал головой, глаза оставались настороженными. Его помощник просто застыл и смотрел на меня выпученными глазами.

– Никакой обычай не возникает просто так.

– Согласен, – ответил я, – но со мной все в порядке. Или если вот так, то обязательно нужно считать, что я откуда-то бежал?

Он вздохнул.

– Сэр Ричард, вас послали в такое место... гм... что ожидать можно было всего.

Он приблизился, обнял за плечи. Руки его оставались крепкими и тяжелыми, как рыцарские копья, которые он ломал в турнирных боях двадцать лет кряду.

– В самом деле все хорошо?

– В самом, в самом, – ответил я. – Но появились некоторые возможности, о которых я хотел бы поговорить с Его Величеством.

Он оглянулся на дверь, в глазах появилось сомнение, но

перевел взгляд на меня, неожиданно улыбнулся.

– Его Величество сейчас никого не принимает, но... у вас особые отношения, так что рискну.

– Спасибо, сэр Уильям.

– Не за что.

– За понимание.

Он скривил губы:

– Поживите с мое, тоже научитесь понимать не только ко-ней.

Он подошел к двери, постучал, прислушался, снова постучал. Я услышал приглушенный дверью недовольный рев. Уильям оглянулся на меня.

– Его Величество не в духе, – сообщил он бесстрастно.

– Предлагаете зайти в другой раз? – уточнил я с интересом.

Он вздохнул:

– Вам такое предлагать бесполезно. Идите на свой страх и риск.

Я шагнул к двери.

– Спасибо, сэр Уильям. Буду возносить за вас молитвы. Как-нибудь.

– А вы хоть одну знаете?

Я в ответ загадочно улыбнулся. Тяжелая дверь открылась без скрипа, Барбаросса в глубоком кресле, в толстом, как одеяло, халате, до пояса укрыт таким же толстым пледом, в руках солидный фолиант.

Я от двери отвесил изысканный поклон.

– Поздравляю, Ваше Величество!

Он устоял оторопело, словно я выскочил прямо из пола, но природная подозрительность взяла верх, прорычал раздраженно:

– С чем?

– Читайте! – сказал я радостно. – Научились! Наконец-то грамотный король во главе королевства!.. Зрю в будущее, настанут дни просвещения и благодати!..

Он хмуρο изучал меня, я чувствовал, как в его никогда не дремлющем мозгу проносятся сотни вариантов, комбинируются, выскакивают новые идеи и мысли. Наконец, он прорычал чуть тише:

– И что значит ваше внезапное появление?

Я развел руками.

– Надеюсь, хоть вы не станете инсвинировать, что я едва убежал, спасая шкуру и теряя штаны?

– В этом не стану, – проговорил он медленнее, – но что ваше появление к неприятностям – уверен. Садитесь, сэръ Ричард. Вы прямо с дороги, как мне показалось? Вина, девок?..

– Мяса, – ответил я честно. – Жареного. Прямо с огня. Вроде сегодня уже ел, но что-то дрожь меня бьет так, будто и мозг в костях промерз.

– А девок?

– Девок не надо, – ответил я.

– Значит, хорошо погуляли, – резюмировал он.

– Не завидуйте, Ваше Величество. Все суета и тлен.

Его рука дернула толстый шнур, далеко за стеной раздался приглушенный звон. Появился молчаливый человек, Барбаросса отдал ему короткие распоряжения. Тот исчез, а буквально через пару минут внесли парящее блюдо с жареным гусем. Вбежал повар, держа обеими руками огромную сковороду, на меня пахнуло жаром. Морщась, он переложил на мою тарелку куски шкварчащего мяса, мои ноздри затрепетали.

Барбаросса кивнул.

– Насыщайтесь без стеснения. Считайте, мы в полевом лагере.

– И вы?

– И я.

Я подхватывал на кончик ножа горячее обжигающее мясо, зубы впиваются с жадностью, сладкий сок потек по пальцам, я подхватывал языком от самых локтей. Барбаросса наблюдал из-под приспущенных бровей молча, даже не двигался, чтобы не отвлекать меня от насыщения. Во взгляде я успел заметить что-то вроде сочувствия: понятно, что я не жрамши очень-очень долго, а также я углядел и оттенок зависти: а вот он уже не может нажираться с такой молодой алчностью.

Когда мои челюсти начали двигаться медленнее, а в желудке появилась приятная теплая тяжесть, Барбаросса проронил:

– Дорога прошла благополучно?

– И вы, – спросил я, – интересуетесь, почему без почетного эскорта?

Он хмуро скривил губы.

– С ним вам добираться месяц. Да и то завязли бы в снегах. Что-то экстренное, сэра Ричард? Говорите, я сижу крепко. Если сомлею от ваших слов, то не упаду.

– Ничего экстренного, – заверил я.

Он спросил с еще большим подозрением:

– Может быть, мне вообще лечь?

Я торопливо дожевал последний кус, вытер куском теплого свежего хлеба остаток подливывы и отправил в рот.

– Вкусно у вас готовят, Ваше Величество! Чувствуется ваша рука. В смысле, руководящая и направляющая. Хороший король должен все уметь. У него и лицо, и одежда, и мысли – прекрасны, как у Чехова. Был такой куртуазный рыцарь. Вот как вы, Ваше Величество!.. Я прискакал со всей поспешностью, чтобы еще раз сказать вам, что вы были правы, Ваше Величество! Правы абсолютно во всем. А я вот был такой дурак, такой дурак...

Он все больше морщился, прервал раздраженно:

– Когда вот так хвалят, явно чего-то попросят. И чем больше хвалят, тем большую гадость подсунут! Что у вас за пазухой, сэра Ричард?

Я похлопал себя по груди.

– Только крест, Ваше Величество.

– А если копнуть поглубже?

– Бравое сердце, – бодро ответил я, – пылающее любовью к вам, Ваше Величество!

Он помолчал, взгляд стал колючим. Прорычал чуть громче:

– Ты стал часто употреблять «Ваше Величество». Явно не к добру...

Я ощутил мурашки на коже, что-то меня видят насквозь, а я был уверен, что я такой загадочный, непознанный и таинственный, что хоть в маске ходи.

– Но вы ведь Величество? – спросил я. – А я всего лишь пфальцграф.

Он спросил тут же:

– Что, титул маловат?

– Да что мне титулы, – отмахнулся я. – К тому же это не титул, а должность. Причем такая должность, которую никто в Армландии не признал.

Он молчал, смотрел пытливо, стараясь прочесть мои тайные мысли. Лицо его на глазах постарело, во взгляде проступила сильнейшая усталость.

– Так и не признали?

– А вы разве ожидали? – ответил я вопросом на вопрос.

Он развел руками.

– Король тоже человек, сэра Ричард. И тоже иногда бывает слаб и потому надеется на чудо. Вот, мол, придет молодой и сильный рыцарь, отважный и чистый, а с ним сразу все

переменится.

– Не переменилось, – ответил я честно. – К вам настроены враждебно. Не как к человеку, а как к некой силе, что грозит уничтожить их независимость. Могу утешить разве тем, что к королю Гиллеберду относятся не лучше. Даже хуже... Правда, лишь потому, что от вас отделены болотами, а от Гиллеберда – крохотной речушкой, ее куры переходят вброд. Гиллеберд опаснее. Это все-таки утешительно, Ваше Величество.

Он побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. Глаза остались настороженными, а посматривает с тем же ожиданием подвоха.

– Да, – проговорил он неохотно, – я понимаю, один человек, как бы ни был успешен в бою, поменять взгляды, вкусы и мнения множества лордов просто не в состоянии. К сожалению, бывают случаи, когда мечи бессильны.

– Почему к сожалению? – спросил я. – К счастью, Ваше Величество.

Он посмотрел строго, но уловил мысль, кивнул.

– Да, – сказал он вынужденно, – иначе весь мир уже завоевала бы какая-нибудь умная и энергичная сволочь. Но умы так легко не завоевать... И каково положение дел в Армландии на сегодня?

Я посмотрел ему в глаза.

– Ваше Величество, с благородным сэром Киллпатриком ничего не случилось?

Он ответил медленно:

– Здравствует. Сейчас он далеко от столицы, но вообще-то я на него опираюсь, как и на сэра Уильяма.

– Тогда не надо делать вид, – сказал я, – что ничего не знаете. Я послал его сообщить, что мне лорды Армландии предложили титул гроссграфа. А вообще-то они готовились объявить Армландию независимым государством. В этом их усиленно поддерживает Гиллеберд... понятно, рассчитывая резко увеличить свое влияние, а затем присоединить к своему королевству Турнедо. Возможно, даже без вооруженной борьбы.

Он помолчал, затем его рука, действуя словно независимо от остального тела, дернула за шнур. Появился тот же неприметный человек, Барбаросса сказал устало:

– Пригласи ко мне сэра Уильяма и святого отца Феофана.

Глава 9

Слуга внес кувшин с вином и серебряные кубки. Барбаросса мрачно помалкивал, я старался сидеть спокойно и с достойным видом. Кто суетится – тот нервничает, так что надо выказывать уверенность полнейшую, да, полнейшую, тогда мое чувство уверенности в своей правоте передастся, да, передастся. Беда только, что в этом грубом мире я не загрубел, а вроде бы даже, стыдно признаться, заинтеллигентнел, что ли. Тут уж не скажешь, что в лесу что-то крупное сдохло. Тут бери масштабнее: к глобальному потеплению, наверно.

Дверь распахнулась, вошли сэр Уильям и отец Феофан. Сэр Уильям – седой и статный, все еще с печатью лучшего турнирного бойца былых времен, отец Феофан – внимательноголазый, тихий и углубленный в свои нелегкие беседы с Господом.

Барбаросса небрежным взмахом указал на стулья за столом. Маршалл и отец Феофан поприветствовали меня сдержанно, любезно, в присутствии короля радоваться можно только наличию короля, сели напротив, словно у нас на повестке дня трудные переговоры по разоружению. Или статусе непризнанных республик.

Сэр Уильям внимательно посмотрел на Барбароссу, на меня, снова на Барбароссу.

– Снова проблемы с сэром Ричардом? – спросил он лю-

безно. – А ведь у вас был шанс все проблемы решить разом.

Отец Феофан обронил равнодушно:

– Помост с виселицей нетрудно и восстановить.

Лица их оставались серьезными, даже я не мог уловить, стараются развеселить короля или говорят серьезно. Барбаросса сдвинул брови, вид грозный, шутить не намерен, сказал резко:

– Серьезные новости из Армландии.

Сэр Уильям потер ладони:

– Наконец-то!

– Не радуйтесь, – сказал Барбаросса раздраженно. – Сепаратисты приготовились отделиться. А сэр Ричард, похоже, им потакает.

– Ну да, – сказал я обидчиво, – я должен был красиво сложить голову, угождая вашим имперским амбициям, да?.. А как же насчет волеизъявления народа? А если свободолюбивый народ не изволит жить под гнетом?

Сэр Уильям быстро взглянул на потемневшее лицо Барбароссы, сказал просительно:

– Сэр Ричард, вы шутите, что значит – не все ужасно, но все-таки держитесь серьезнее. Я догадываюсь, проблем много.

– Больше, чем предполагаете, – согласился я. – Однако все они, как думаю, решаемы. В смысле, девяносто из ста решатся сами, а за оставшиеся десять и браться не стоит.

Барбаросса буркнул:

– Сэр Ричард... расскажите о положении в Армландии. Сэр Уильям и отец Феофан бывали там, представляют, с чем придется столкнуться.

– Надеюсь, – ответил я, – нам не придется сталкиваться с оружием в руках. Хочу предупредить сразу, Армландия переполнена оружием и теми людьми, что умеют его держать в руках. То ли железные руды там на поверхности, то ли кузнецы и оружейники свое дело знают лучше своих собратьев в других регионах, но народ хорошо вооружен и настроен решительно. Мне предложили титул гроссграфа!

Маршалл и отец Феофан молчали, ошеломленные и не знающие, что сказать. Барбаросса после паузы проронил с подозрением в голосе:

– На каких условиях?

– На условиях отделения от владений Вашего Величества, – ответил я честно, уточнил на всякий случай: – Они имеют в виду королевство Фоссано.

Я нарочито сделал паузу, все трое сразу насторожились, подобрались, словно гончие псы при виде зайца. Барбаросса снова заговорил первым:

– И что вы ответили? Хотя, конечно, представляю...

– Ваше Величество, – спросил я, – а что можно было ответить? Вы представляете верно, ведь вы мудрый король, а не какая-нибудь шелупень! Скажи я, что не согласен, тут же выбрали бы другого гроссграфа! Из своих. И так чудно, что предложили этот титул мне. Правда, объяснение есть, но та-

кое обидное, что даже губами шевелить не хочется.

Сэр Уильям сказал сухо:

– Сэр Ричард, вы не искушены в подобных делах, потому вам оно кажется обидным. На самом деле сплошь и рядом выбирают чужаков. Потому что соседей ненавидят больше. Значит, вы приняли этот титул?

– Я принял предложение, – пояснил я. – Титулом меня только поманили, но еще не дали. Должны утвердить на совете лордов. Может быть, весной... Или летом! Однако сразу хочу сообщить, что я принял предложение только затем, чтобы избежать гражданской войны! И в самой Армландии, и с Фоссано. Я считаю Армландию неотъемлемой частью Фоссано, и намерен проводить именно эту политику.

– Как? – спросил сэр Уильям в упор.

– Торговые связи без всяких таможенных пошлин, – объяснил я. – Общие законы. Правда, визиты королевских судей придется временно отложить, чтобы не раздражать лордов, но в остальном будем себя держать так, словно ничего не случилось.

Отец Феофан, дотоле молчавший, спросил тихо:

– Сэр Ричард, скажите честно, как перед Богом... а сами вы не подумывали, чтобы встать во главе Армландии? Как отдельного государства? То ли крохотного королевства, то ли гроссграфства?

Барбаросса прорычал:

– Да, сейчас он так прямо и признается!

– Не скажет? – спросил отец Феофан.

– Это тот еще лис, – сказал Барбаросса с угрозой.

Я повернулся к нему и взглянул прямо в глаза.

– Ваше Величество, если позволите, я скажу вам прямо в глаза... вот прямо возьму и скажу, как доблестный рыцарь без всякого страха... а там хоть режьте меня!

Он насупился, по-волчьи зыркнул на сэра Уильяма и отца Феофана, но я загнал его в ловушку, и он с превеликой неохотой выдавил из себя, как будто рожал огромную шипастую жабу:

– Сэр Ричард, уж вы меня точно ничем не удивите. От вас я ожидаю всего.

Я поклонился и сказал громко:

– Вот так прямо в глаза вам и выдам всю правду-матку, а там как хотите... Так вот, Ваше Величество, положи руку на сердце, я скажу открыто и честно вам прямо в глаза: вы – великий государь!

Он дернулся, будто я ему тараном в лоб, вельможи застыли. Сэр Уильям и отец Феофан, а также сам Барбаросса, смотрели на меня, как на Вовочку, что явился в класс подстриженным, в чистой рубашке, никого не ударил, не обматерил, а с учительницей еще и поздоровался.

Барбаросса, наконец, с трудом прочистил горло:

– Э-э-э... Что-то я не понял...

– Чего? – спросил я невинно.

– Где это вы меня, сэр Ричард, облили помоями. Вроде бы

нет, а чувство какое-то...

– Вы стали подозрительным человеком, – произнес я сокрушенно. – Ничего не поделаешь, издержки профессии. Но я в самом деле отношусь к вам с великим уважением и считаю вас законно избранным королем.

Он спросил с еще большим сомнением:

– Да? Но вот некоторые до сих пор все еще называют меня узурпатором.

Я махнул рукой:

– Это отъявленные монархисты, не принимайте их всерьез. Они помешаны на так называемом законном престолонаследии. Что значит: отец передает корону сыну, тот – внуку, внук – правнуку... и пошло-поехало. Дурь несусветная.

Он всматривался в меня с великим недоверием, все еще выискивая подвох.

– Дурь?

– Несусветная, – подсказал я любезно.

Он пробурчал с подозрением в голосе:

– А что в этом плохого?

– Все, – ответил я уверенно.

– Да? – спросил он с сомнением. – Зато исключается кровавая борьба за престол. Юные принцы с детства учатся управлять государством, получают настоящее образование, общаются с принцами и принцессами других стран, крепят связи династическими браками...

Сэр Уильям и отец Феофан поддержали его слова сдер-

жанным гулом одобрения. На меня смотрели с нескрывае-
мой подозрительностью, как на человека, что сумел лучше
всех польстить королю и втереться на первые места, отес-
нив их, действительно преданных и знающих свое дело.

– Ваше Величество, – объяснил я, – я демократ. Хотя и ля-
гаю демократов обоими копытами при каждом удобном слу-
чае, но я демократ, хотя половину нынешних демократов пе-
рестрелял бы немедля, а вторую половину – перевешал. Если
остался бы еще кто, ну там третья половина, у нас такое бы-
вает, тех на кол. И – рукоятью, рукоятью! Но все-таки я де-
мократ по убеждениям, потому для меня демократические
ценности – не пустой звук. Я признаю вас королем, потому
что вы единственный, насколько я знаю, из окружающих ко-
ролей, кто пришел к власти законным демократическим пу-
тем.

Барбаросса молчал, вконец обалделый, а сэр Маршалл
осторожно напомнил:

– Его Величество тогда еще изволил быть вожаком воль-
ных рыцарей... вторгся в королевство с северо-востока, раз-
бил небольшой отряд сэра Руерга, а затем, пользуясь между-
усобной войной, ворвался в столицу и низверг прежнего ко-
роля с трона.

Отец Феофан перекрестился и уточнил:

– Низверг с трона, а затем и с балкона. Прямо на камни
городской площади.

– Сперва с трона, – поправил сэр Маршалл, – впрочем,

можно считать, что это получилось одновременно. И тут же Его Величество ухватил слетевшую с головы короля корону и, даже не обтерев от крови, водрузил на голову.

– На свою собственную голову, – льстиво добавил отец Феофан. – А потом еще и кивнул ею в знак согласия.

Барбаросса буркнул:

– Кровь врага украшает мужчин.

Он все зыркал на меня с недоумением, а я сказал с твердым, как адамант, достоинством:

– Вот это и есть демократия в чистом виде! Которую я, как истинный демократ, приветствую и признаю. Вам никто не передавал власть всего лишь на том смехотворном основании, что вы родились в королевской семье сыном короля. А если этот сынок дурак? Все равно власть надо передать ему, таковы идиотские законы престолонаследия! Нет, это грубейшее нарушение прав человека, ко всему прочему. Мы все рождаемся равными, потому и на престол у нас должны быть равные права. При таком раскладе получает трон, естественно, лучший. Потому я, как убежденный демократ, полностью признаю вас законным королем на свободных демократичных выборах, когда шансы на престол были у всех!

Барбаросса не отрывал от меня пронизывающего взгляда. Пожив на свете немало, еще больше повидав, он видел, что я говорю искренне, это озадачивало его больше, чем если бы я сложил свои полномочия и отправился в монастырь.

Сэр Уильям проговорил озадаченно:

– Многое крамольно, однако... сэръ Ричард как будто бы прав...

– Как будто бы, – рыкнул Барбаросса.

– С точки зрения церкви, – сказал отец Феофан, – сэръ Ричард говорит как правоверный сын церкви и понимающий христианин...

Я раскланялся, как на сцене перед залом, и, заканчивая речь, сказал горячо:

– Потому, Ваше Величество, вы можете быть целиком и полностью уверены в моей полнейшей лояльности. Как рыцарь без страха и упрека я мог бы не подчиниться незаконной или коррупционной власти, но вашу власть короля признаю не только как оверлорд, но и как человек. Повторяю, потому что вы – единственно избранный на престол законным демократическим путем... ну, пока в таком чистом виде! Зато без всякой подтасовки бюллетеней и манипуляции общественным мнением.

Я отвесил средний поклон, исполненный собственного достоинства, на меня устремлены три пары глаз, гордо выпрямился, бросил ладонь на рукоять меча.

Сэръ Уильям проговорил задумчиво:

– Вообще-то я знаю сэра Ричарда как человека чести... Не думаю, что жажда власти затмит у него морально-этические ценности.

– Я тоже не стал бы спешить с выводами, – ответил отец Феофан осторожно, – сэръ Ричард только что ясно и недву-

смысленно подтвердил, что считает вас, Ваше Величество, вполне законным королем. И доводы его показались мне, хоть и странными, но убедительными.

Барбаросса прорычал, как старый, но все еще могучий лев:

– Все равно я ему не верю. Что-то он держит за пазухой! Я прям вижу, как там шевелится камешек... размером с Хребет!

Я с достоинством поклонился.

– Ваше Величество, у меня за пазухой целый склад камней и скал. Но там нет даже песчинки в ваш королевский огород. У меня нет к вам претензий... как к королю. Я считаю вас легитимным правителем. А это значит, что Армландия – ваша. Однако в целях предотвращения бесполезного кровопролития нужно этот вопрос пока опустить...

Барбаросса вскинулся.

– Как это? – рыкнул он. – Позволить утверждать, что Армландию сумели оторвать от Фоссано?

– Собака лает, – сказал я, – ветер носит. Мы не станем такое подтверждать, это главное. Ваше Величество, уверяю вас, это самый лучший вариант! Лорды тоже не дураки, прекрасно понимают, что вы не в состоянии послать туда войска.

– Почему? – возразил Барбаросса.

– Болота, – напомнил я. – Вы сами их называли непроходимыми. Кроме того, дома и стены помогают. В том смысле, что крестьяне не останутся в стороне. Будут помогать сво-

им сюзеренам, а вашим войскам ставить ловушки. Но даже, если сумеете сломить сопротивление, это потребует таких сил, что обескровит не только Армландию, но и Фоссано! И любой сосед, гораздо более слабый, легко захватит ваше королевство, воспользовавшись случаем... как вы в свое время захватили корону, воспользовавшись слабостью королевской власти.

– И что вы предлагаете?

– Есть другой выход, – сказал я напористо. – Привязать Армландию к Фоссано так, чтобы она не оторвалась. Чтобы сами лорды и даже простолюдины считали себя частью Фоссано... неотъемлемой частью!

Барбаросса спросил с недоверием:

– Это как?

– Торговлей, – объяснил я. – Обменом товарами. В Фоссано много крупного и мелкого рогатого скота, просто девать некуда, а у нас вы могли бы сбывать дороже. В то же время в Армландии очень хорошо с железными рудами, отчего там развито литье и вообще металлургия, начиная от изготовления оружия, куда ж без него, родимого, а также всего, что можно сделать из металла. У нас даже у простолюдинов миски железные, представляете? И ложки. А у ваших баронов – миски глиняные, ложки деревянные...

Он поморщился, но промолчал. Я видел, как сдвинулись складки на лбу, взгляд стал отстраненным. После недолгого обдумывания проронил:

– В Армландии в самом деле с дорогами сложно... Не зимой же, когда все болота застынут.

– Не надо зимой, – согласился я. – Наполеон первым попробовал, еле копыта унес. Зато купцы в любой сезон дороги протопчут, если запахнет прибылью! Возможно, даже не понадобится спонсировать. Частная инициатива – вещь! Это не какой-нибудь коммунизм: ради высокой прибыли мать родную продадут. Хотите хорошие дороги для вторжения с миротворческой миссией? Все будет! Под предлогом, что помогаете торговому делу, можно кое-где дороги укрепить, расширить, проложить мосты... Из королевского бюджета.

На этот раз он задумался уже всерьез, вижу по лицу, а сэр Уильям сказал негромко:

– Сэр Ричард, я вижу, как вы устали с дороги, не отпирайтесь.

– И не подумаю отпираться, – заверил я.

– Уже ночь, – напомнил он, – утром продолжим. Его Величество изволит хорошенько все обдумать и даже посоветоваться со своими ближайшими советниками.

Я поднялся, учтиво поклонился. Тело, в самом деле, ломит, как после болезни, налилось тяжестью, даже слова даются с трудом.

– С великим сожалением покидаю вас до утра. Всем спокойной ночи!

Барбаросса прорычал:

– Вы прибыли, сэр Ричард, какая теперь спокойная ночь?

Я улыбнулся, помягче, помягче, мол, шутку понял, открыл дверь и вышел. В кабинете, где в прошлый раз трудились сэр Уильям и его помощник, навстречу мне поднялся осанистый придворный.

– Счастлив приветствовать героя, – произнес он сладким голосом и приятно улыбнулся. – Позвольте показать вам покои, достойные отдыха героя!

Я буркнул:

– Героизм – одна из самых недолговечных профессий. Вы желаете моей скорой смерти?

Он испуганно вскрикнул:

– Сэр Ричард, как вы можете?

– Я все могу, – ответил я нагло. – Широкий человек, широкий, как сказал один богоискатель.

Мы прошли через людный зал, мой спутник сразу выпрямился и посматривал горделиво, а морду лица держит таинственно-загадочной. Мол, сэр Ричард поверил ему все свои тайны, но вон он хрен кому что расскажет. Ну, разве что за солидную протекцию...

Глава 10

Меня привели в покои для особо знатных, я зачем-то проверил окна и решетки, странно, словно во дворце не Барбароссы, а тирана, с которым нужно держать ухо востро, вот что значит – вжился, осмотрел камин с горящими дровами, широкое ложе, больше приспособленное для утех, чем для сна одинокого сеньора.

Пальцы мои привычно расстегнули пояс с мечом в ножнах, уже настолько сроднившаяся тяжесть, что не замечаю, взгляд заметался по стене в поисках крюка поближе к изголовью. Можно, конечно, просто прислонить к ложу, но иногда падает с таким грохотом, что сердце подпрыгивает в испуге до самого горла.

Огни светильников затрепетали, будто треснула стена, и в щель ворвался ледяной сквозняк. Я резко обернулся, Сатана уже шагнул в комнату, на лице приятная улыбка, снова в сером костюме, только этот потемнее, изящного покроя, великолепная отделка серебром, скромненько, но с отменным вкусом. Все настолько уместно и здорово и настолько выгодно отличается от нелепых ряс православных попов или демонстративного пренебрежения к внешнему виду католических священников, что сразу понятно, кто выдумал моду и кто ее усиленно развивает.

– Доброго здравия, сэр Ричард!..

– И вам того же, – ответил я автоматически и тут же подумал, что надо бы что-то более нейтральное, типа «привет!» или «хай!», а то я только что пожелал доброго здоровья Сатане, а это как будто некое предательство своего лагеря. – Не спится?

– Я никогда не сплю, – заверил он и добавил многозначительно: – И всегда начеку.

– Вот что значит, – сказал я, – не иметь друзей.

Он удивился:

– Друзей? Вы шутите! Друзья и совесть бывают у человека до тех пор, пока они не нужны. А что, у вас они есть?

– Есть, – ответил я сердито. – Вы соскучились по мне?

– И это тоже, – заверил он. – И еще хотел узнать, что надумали?

Я развел руками.

– Сэр Сатана, вы только вчера огорошили меня известием насчет возможности вернуться. А я такой тугодум, такой тугодум...

Он покачал головой.

– Мне казалось, вы сразу должны были ухватиться за такую возможность. Но раз уж так удивились, я дал вам время прийти в себя. Наверное, я сотворил доброе дело, да?

Глаза его смеялись. Конечно же, мелькнула мысль, это у него такая шутка юмора. На самом деле Сатану не интересует Зло, оно ему давно и хорошо известно, привычно, обыденно. Для него массовые человеческие гекатомбы инка, майя

и ацтеков – норма, как и пять тысяч распятых соратников Спартака, геноцид армян турками или газовые печи Бухенвальда. А вот Добро – да, это интересно, этот странный феномен, вроде бы абсолютно нежизнеспособный, в его стройное и геометрически правильное мировоззрение не вписывается.

– Решения, принятые сгоряча, – сказал я нравоучительно, – всегда представляются нам необычайно благородными и героическими, но, как правило, приводят к глупостям...

– Это верно, – согласился он. – Вы абсолютно правы! Нужно всячески избегать как героизма, так и благородства. Вы правы, абсолютно правы! И сказали очень хорошо. Просто я решил почему-то, что, рассуждая логически, вы и поступите логически.

– Хе, – ответил я саркастически. – Я что, не человек? Даже мужчины не всегда обожают логику. Помните, Аристотель, когда открыл логику, на радостях велел зарезать для пира сто баранов...

Он засмеялся:

– С тех пор бараны не любят логику? Ха-ха, интересно!

Я сказал примирительно:

– Нам была дана заповедь: «Люби ближнего, как самого себя», но если правильно понять, то можно прочесть и обратное утверждение: «Ты обязан любить себя должным образом». Вот я и думаю, что же значит любить себя должным образом? Толкований на самом деле очень много... Намного

больше, чем кажется на первый взгляд.

Он внимательно слушал, лицо становилось все яснее. Я забеспокоился, где же прокол, в каком месте я начал лить воду на его мельницу. Он увидел в моих глазах вопрос, улыбнулся с так раздражающим меня превосходством.

– Вы даже не предполагаете, – произнес он мягко, – как у вас, людей, много от меня.

Я поинтересовался почти враждебно:

– Что же?

– Меня называют, – напомнил он, – духом сомнения, духом противоречия... Вам это ничего не говорит? Когда человек был создан, он внимал абсолютно всему с широко раскрытым ртом и распахнутыми глазами. Но я сумел внушить ему некоторые базовые сомнения. Еще там, в Эдеме. Это привело к выдворению из рая, зато это свойство сомневаться и противоречить позволило сперва выжить, а затем и начинать создавать свою цивилизацию.

Я возразил:

– Это все приписываете духу противоречия? А мне кажется, все отрицать – полная анархия! И снова в пещеры...

– Пещеры тоже можно отрицать, – возразил он мягко. – Чем выше человек... я имею в виду весь человек, то есть человечество, так вот чем выше человечество вскарабкивается по социальной лестнице, тем сильнее в нем дух противоречия и подозрительности.

Я смолчал, лихорадочно вспоминая, что вроде бы в самом

деле, как говорила моя бабушка, раньше люди верили друг другу на слово, а теперь, мол, все договора, договора... Только в моем «срединном королевстве» за последние десять лет количество адвокатов выросло в десятки раз. А раньше, мол, достаточно было честного слова.

– И что, – спросил я тупенько, – это хорошо?

– Замечательно! – воскликнул он. – Когда никому не веришь – это же великолепно!

– Чем?

Он объяснил с улыбкой:

– Никакая сволочь не может обмануть!

– Но зато сама жизнь станет черной, – возразил я. – Никому не верить, в каждом подозревать обманщика, а то и врага – разве это жизнь? С колыбели надо начинать лечиться от стресса...

Он спросил с интересом:

– А что это?

– То, чего не было в мире, – пояснил я, – когда в ходу было слово чести. Даже среди простолюдинов. А когда пошли адвокаты... появились и стрессы. И где больше адвокатов – там больше стрессов. У нас самая развитая страна за океаном, так вот там стрессы у каждого. И адвокатов столько, сколько во всем остальном мире.

Он подумал, посмотрел на меня с большим уважением.

– Вы еще не были на Юге, а уже понимаете его основы...

И хотя вам это не нравится, но все-таки, все-таки: принимать

с большим недоверием все, что видите, слышите и что вам внушают – залог целостности вашей личности. Если хотите жить без забот – никогда не спорьте, принимайте на веру, что говорят старшие. Неважно, кто именно эти старшие: враги, нейтралы или даже друзья.

– А почему от друзей?

Он хитро прищурился:

– Надо ли объяснять?

– А все-таки?

Он указал на окно:

– Взгляните во двор. Почти всем доверите напоить своего коня, некоторым можете позволить наточить ваш меч, но есть там те, кого послушаете безоговорочно, что одеть, что пить, с кем общаться, кого взять в жены, кого любить, а кого ненавидеть?.. Друзья опаснее врагов! Врагов воспринимаешь настороженно сразу, а друзья могут вполне искренне завести вас на ложную тропку. Потому друзей надо остерегаться больше, чем врагов. И каждое слово от друга проверять... гм, с большим подозрением, чем от врага.

Я молчал, рассуждения абсолютно логичны, но какая-то нечеловеческая логика. Слишком правильная, словно машинная или вещает насекомое, чей интеллект превосходит человеческий в десятки раз, но... только интеллект.

– Человек, – проговорил я, – не только интеллект.

– Ну да, – сказал он саркастически, – как я мог забыть про душу!

– А зря, – отпарировал я. – Вообще-то считается, что весь хваленый интеллект всего лишь слуга на побегушках у души! Правда, у той, что ниже пояса.

Он запнулся на миг, глаза блеснули остро, как лезвия кинжалов.

– Мне нравятся рассуждения о душе, – проговорил он медленно, я видел в его лице скрытое торжество, – любые, даже самые высокопарные.

– Почему?

Он усмехнулся.

– Любая душа – узница. А вот грубая плоть бежит совершенно свободно. Так кто из нас сильнее?

Он поклонился и так в поклоне исчез. Я задумался, зачем приходил: то ли ждал, что уже готов прямо сейчас, то ли ему интересно, что я попытаюсь сделать перед возвращением.

Рассвет пришел не только поздно, но и страшно медленно, словно не решался выйти на мороз, пройтись по хрустящему снегу. Я замерз, несмотря на огонь в камине, то ли ложе далеко от огня, то ли дров подбросили маловато. Или же нужно ложиться в свитере, а не голым, как я привык издавна. Правда, для сугрева можно брать одну из служанок, а то и не одну, но что-то в этом от насилия. Сами служанки так не думают, это право сеньора брать любую из них на ложе, они к этому относятся не только философски, но и с юмором, сами напрашиваются, однако во мне что-то протестует... Не

виргинность моя, конечно, а то, что смахивает на принуждение, такое меня оскорбляет: мол, как будто я не лучшая в мире цаца, к которой женщины и так охотно лезут в постель, не спрашивая о моей зарплате.

Вообще привык к более свободным отношениям, когда ни я не должен, ни женщина ничем не обязана.

С утра странный сизый туман, словно летом над болотом, но когда я подошел к окну, сразу закашлялся от морозного воздуха. Горло обожгло, как спиртом, крепостные стены внутреннего двора в снегу, столбы коновязи в инее, а земля скрыта под слоем пушистого, белого и нежного, как лебяжий пух, снега, что выпал ночью.

Вчера за весь день солнце так и не проглянуло сквозь плотный слой туч, даже не туч, а многослойного толстого одеяла, накрывшего мир от горизонта и до горизонта. Сегодня намечается нечто похожее на надежду: на западе проступает сквозь облачный слой мутно-багровое, сейчас там еще догорает заря, похожая на брошенный костер, а потом, возможно, солнце все-таки разгонит муть.

Я послал слугу с напоминанием, что хотел бы до наступления ночи закончить все дела и вернуться к себе. На меня посмотрели с кривыми улыбками: раз лорд шутит, и пусть так глупо, надо улыбаться. Ближе к обеду явился придворный, учтиво кланялся и многословно рассказывал, что Его Величество в своих бдениях не забывает о своих подданных и в своей милости вот вспомнил обо мне и сейчас изволил

пригласить к себе в покои...

С трудом удержался, чтобы не напомнить, что я не подданный Барбароссы, потом подумал, а что это, всем доказываю, словно сам не уверен, комплексы какие-то, я же орел, а орлы мышей не бьют.

– Веди, – велел я. – Хотя вообще-то дорогу я и сам знаю.

– Нет-нет, – воскликнул он поспешно. – Это моя почетная обязанность, я никому ее не уступлю.

– Это чего? – спросил я с подозрением. – Проследишь, чтоб я по дороге столовое серебро не спер?

– Сэр Ричард, как можно! – вскрикнул он шокированно. – Неужели вы станете воровать такую мелочь?

– Не стану, – заверил я. – Мелочь – не стану.

И все-таки всю дорогу он посматривал недоверчиво и следил за моими руками, особенно когда я проходил мимо крупной дорогой мебели.

Я прикидывал, что сэр Уильям после моего ухода сразу же принялся с энтузиазмом разрабатывать проекты масштабных торговых договоров от имени короля Фоссано с гроссграфом Армландии, это в его характере. Сам Барбаросса тоже мог бы внести пару толковых дополнений, только отец Феофан все еще сомневается в моих добрососедских намерениях и полной лояльности к королю Барбароссе.

Конечно, Барбаросса тоже вряд ли поверил целиком и полностью, положение обязывает никому не верить, на то и король, но я пока еще не подводил, и сейчас вроде бы все

экономические предпосылки к тому, что Армландия и без войны будет привязана к Фоссано крепче, чем расположенными там королевскими войсками.

Провожатый оставил меня у дверей королевских покоев, на лице безграничное почтение, я кивнул и перешагнул порог.

В королевском логове помимо короля – сэр Уильям, отец Феофан и некий молчаливый сеньор, немолодой, сумрачный и посматривающий исподлобья. По тому, как все выглядят и держатся, я ощутил, что собрались задолго до моего прихода, успели поспорить и поругаться насчет статей договора. Я приветствовал всех с тем воодушевлением, которого не жалко, все равно сейчас уеду. Мне ответили хмурыми взглядами и сдержанными поклонами.

Барбаросса смотрит зверем, но это его обычный вид, король должен быть недоверчив, особенно – узурпатор. Я сказал громко и радостно:

– Я рад, что договор осталось только подписать! Все-таки глобализация неизбежна, сепаратизм не имеет будущего.

Сэр Уильям спросил с недоумением:

– Не имеет? Но королевства дробятся и дробятся...

Отец Феофан добавил со вздохом:

– Что королевства... Империи распадаются на такие мелкие уделы, что и подумать страшно.

– Трудности роста, – заверил я. – Интеграция неизбежна. Мы начнем ее с заключения взаимовыгодных договоров

и долгосрочных торговых связей. Нужно скрепить страны взаимной торговлей и обменом ресурсами так, чтобы любая война была весьма разорительной для обеих сторон. И тогда любой лорд трижды подумает, прежде чем... ну, вы понимаете.

Сэр Уильям кивал, однако отец Феофан сказал настороженно:

– Сэр Ричард, что-то вы не то говорите.

Я посмотрел на его строгое лицо, отец Феофан поднял руку к горлу и крепко сжал в ладони крестик. Барбаросса тяжело вздохнул. Я сказал торопливо:

– Совершенно верно, отец Феофан, вы ухватили самую суть! Нет на свете таких мирских ценностей, ради которых нужно отказаться от даже самого малого бриллиантика духовности. А за духовность нужно сражаться до последней капли крови, не говоря уже о презренных материальных ценностях... Если потерять духовность, то зачем все мирские блага? У человека нет ничего, кроме души!.. Лучше сжечь всю страну, испепелить города и села, перебить в сражениях или уморить от голода все население, но зато спасти их души!

Отец Феофан перевел дыхание и кивал с полным одобрением.

– Как вы правы, сэр Ричард!

Я поклонился.

– Я ж истинный сын церкви, отец Феофан.

– Да, я вижу ваше рвение, сын мой. Но все-таки... мне больно такое говорить, но слегка умерьте свой пыл.

Я удивился:

– Почему?

Он горестно вздохнул.

– Это мы с вами знаем, что у человека нет ничего, кроме души. Но простые люди этого не знают, цепляются за мирские блага, за плотские утехи... Если слишком резко сказать им всю правду, не поверят. И еще нельзя их силой тащить в царство небесное...

– А как насчет, – уточнил я деловито, – строительства царства небесного на земле?

Он вздохнул еще печальнее.

– Только очень медленно и очень осторожно, сын мой. Не забывай, Господь создал людей из глины, а от себя вдохнул только искорку! Ма-а-алую, совсем малую. Раздувать надо медленно и бережно. И царство Божье можно начинать строить только с теми, у кого искорка возгорится в пламенный огонь... в смысле, в жаркое пламя.

Я вздохнул, развел руками, но прикусил язык. Хотел составить еще, всегда можно найти, над чем приколоться, но стало стыдно. Я хоть и самый умный и вообще крут, но отец Феофан говорит серьезные и правильные вещи, а я, малолетний идиотик, что никак не вырастет, – ерничаю по своему обыкновению. Тот, кто прикалывается, как бы всегда умнее того, над кем ехидничают. Ну, типа студент умнее profes-

сора! Ага, как же, умнее.

Глава 11

В зал вошли один за другим пышно одетые слуги, у всех в руках тяжело груженные едой подносы, молча и без лишних движений вышколенно расставили по столу жареных гусей, рябчиков, поджаренное баранье мясо с торчащими ребрышками, тут же исчезли, словно испарились.

Мы с сэром Уильямом терпеливо дождались, пока король обратит внимание на еду, тут же отдали ей должное, с урчанием разрывая прожаренные тушки пополам и отправляя горячее и сочное мясо в желудки. Прожевав, я охнул и сказал торопливо:

– Да, кстати, Ваше Величество...

– Ну, – прорычал Барбаросса настороженно.

– Только сейчас вспомнил!

– Ну-ну, – буркнул Барбаросса. Он опустил на тарелку полюбощенную тушку голубя. – Это и есть та гадость, которую ты берег напоследок?

– И которую не решился сказать сразу, – добавил отец Феофан ележным голосом.

Я вскричал обиженно:

– Ваше Величество? Как вы можете!

– Король все может, – лицемерно посочувствовал мне сэр Уильям. – Так что не забывайте, сэр Ричард.

– Говори, – посоветовал Барбаросса мрачно. – Говори.

Чую, это то, ради чего ты ехал. Я угадал?

Я сказал с достоинством:

– Ваше Величество, обижаете! Ничего такого у меня в голове нет. И за пазухой. Просто я вспомнил, что сейчас чисто по техническим причинам я не могу исполнять функции пфальцграфа. Я мог бы, конечно, смолчать, зачем вам слушать неприятные вещи, короли этого не любят... все предпочитаем приятное, но лорды Армландии весьма ревностно пекутся о своей независимости. И не позволят королевскому судье распоряжаться в их владениях, как будто дело происходит в Вексене.

Барбаросса зарычал, кулаки сжались. Сэр Уильям сказал поспешно:

– Сэр Ричард, Его Величество понимает ситуацию. Ведь понимаете же, Ваше Величество?

Барбаросса рыкнул:

– Я вижу, этот прохвост все же подумывает об отделении Армландии?

– Абсолютно нет, – заверил я. – Ваше Величество, посмотрите в мои бесстыжие глаза. Вы увидите, там нет ничего, кроме бесконечной преданности вам... И вообще, Ваше Величество, не надо делать удивленный вид руками, что вы в благородной раздумчивости о державе забыли... или что я забыл о Киллпатрике, которого я вам сразу же послал с подробнейшим посланием, что у нас, как, кому и в какое место. Кстати, где он? Или вы давили верного рыцаря для со-

хранения государственной тайны?

Сэр Уильям хмыкнул, отец Феофан отвел взгляд. У меня закралось нехорошее предчувствие, что угадал, но Барбаросса раздраженно отмахнулся.

– Я же сказал, сэр Киллпатрик сейчас во главе большого гарнизона обустроивает земли в одном пограничном городе. Или вы проверяете мою память?

– Да вроде бы в прошлый раз сказали нечто другое, – нагло заметил я. – Впрочем, королю все можно. Кроме женитьбы по любви.

Он буркнул:

– Там тоже было некоторое... некоторые попытки отделиться. Потому я и послал Киллпатрика, как надежного человека, уладить такие мелочи.

– Даже порекомендовали ему, – вставил сэр Уильям, – не слишком много жечь и вешать. Во имя этого... как его... совсем забыл... ага, милосердия!

Я вздохнул с облегчением, сэр Уильям проговорил задумчиво:

– При нынешней ситуации, все верно, пфальцграфство не совсем... гм... уместно. Это не поможет, а только затруднит сэру Ричарду работу...

– Если он, – ввернул отец Феофан, – на стороне Его Величества.

– Да, конечно, – согласился сэр Уильям.

– Я на стороне единства земель, – возразил я. – Може-

те толковать сие, что я на вашей. Но, скажем честно, Ваше Величество, если бы даже королем был кто-то другой, даже неприятный мне, я все равно против раздробленности. Это всегда бедность, ограниченность в ресурсах, высокие налоги...

Барбаросса зло зыркнул, но, как ни странно, успокоился. Хотя почему странно, я как раз и рассчитываю на его мудрость. Симпатии меняются чаще, чем убеждения.

Сэр Уильям сказал нерешительно:

– Ваше Величество, если дозволено будет мне сказать...

Барбаросса огрызнулся:

– А когда это тебе было не дозволено?

– Да так, – ответил Уильям, слегка ухмыльнувшись, – это я от сэра Ричарда заразился предельной вежливостью. Куртуазностью даже... Как хорошо было в наши старые добрые времена: сразу в рыло бронированной десницей и – за меч! А теперь пошли эти дурацкие расшаркивания.

– То ли еще будет, – заверил я.

– Что, – спросил недоверчиво Маршалл, – будет еще хуже?

– Вообще жуть будет, – ответил я. – Вы еще не представляете, что такое политкорректность...

Он перекрестился.

– То-то говорят, конец мира близок.

– Да, – согласился я, – политкорректность – это конец.

Сэр Уильям, телитесь своей идеей, а то Его Величество уже

глазами сверкает. Щас нас обоих на клочки по закоулочкам. Вас за дело, понятно, а меня за что?

– Да, – согласился сэръ Уильям, – вы ж у нас белый голубь, виноватым ну прям никогда... А предложить я хотел Его Величеству удостоить вас высоким званием коннетабля.

Барбаросса посмотрел с удивлением, хмыкнул, но задумался. Я торопливо рылся в памяти, стараясь вспомнить, что это такое, с чем едят и чем коннетабль занимается. Получалось что-то вроде министра обороны. Это значит, король по-прежнему пытается удержать меня на привязи. Однако эта должность, в отличие от пфальцграфства, распространяет мои права и на Фоссано. Мне, конечно, и коннетабльство по фигу, я ж понимаю, что должность реальна только при больном или не покидающем замок короле. Барбаросса сам предпочитает водить войска в бой и собственноручно намечать план сражения, так что в реальности это он – коннетабль, но, с другой стороны, моим лордам я буду больше приемлем в роли коннетабля Фоссано и Армландии, чем только королевского пфальцграфа Армландии.

Пока эти мысли суматошно проносились в моей голове, король тоже раздумывал, наконец, крикнул досадливо:

– Сэръ Уильям... а тебе не кажется, что этот молодчик слишком быстро растет?

– Ваше Величество, – ответил Маршалл с легким поклоном, – лучше пусть растет в нашем лагере, чем у противника.

Барбаросса вздохнул, лицо помрачнело, словно туча, что

несколько недель собирала в себе снег и тащила, чернея от натуги, через все королевство.

– Беда в том, – проговорил он устало, – что этот молодчик никогда не приносил мне клятву верности.

Маршалл посмотрел на меня. Я покачал головой.

– Нет, сэр Уильям.

– Разве Его Величество не достойный король? – спросил он.

– Достойный, – согласился я и окинул взглядом Барбаросу. Он зло кривился. Разглядываем, будто козу на базаре. – Просто замечательный... Но, сэр Уильям, в данном случае гораздо важнее, что я присягнул еще более важному, чем отдельный человек!

Оба насторожились.

– Чему? – спросил Маршалл после паузы.

– Легитимности, – пояснил я. – Демократической передаче власти! Честным и прозрачным выборам. Как в человеке я могу в короле Барбароссе усомниться, могу перестать доверять, могу счесть его мерзавцем, однако же он остается человеком, заполучившем трон, как я уже говорил вчера, на честной демократической основе! Потому я всегда буду считать его законным правителем Фоссано и ее неотъемлемой губернии – Армландии. А это, сэр Уильям, намного важнее, чем если бы я принес присягу именно королю Барбароссе. Присягу в личной преданности.

Маршалл пожал плечами.

– Что-то я смутно улавливаю, но я, как в старину, предпочел бы проверенные методы... Клятву верности своему королю!

– Красиво, – согласился я. – Но уж слишком похоже на клятву верности вожаку бандитской шайки. А Его Величество уже не совсем бандит. Скажу больше: совсем не бандит, а Его легитимное Величество! Это все-таки повыше и уже почище. Сидение на троне очищает! И чем дольше сидишь, тем легитимнее и легитимнее.

Барбаросса поморщился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.